

Инна Инфинити

Мужчина из моего прошлого

«Литнет»

2022

Инфинити И.

Мужчина из моего прошлого / И. Инфинити — «Литнет», 2022

Он спас меня. Мужчина из моего прошлого. Я думала, он умер, но, оказалось, меня жестоко обманули. Только теперь это уже не имеет значения. Прошло семь лет, я давно счастливая жена и мать. Больше всего на свете я мечтаю никогда не встречать Дмитрия Соболева и ничего о нем не знать. Вот только он твёрдо намерен вернуть меня себе. Любой ценой. Вторая часть книги «Новенький». Можно читать отдельно. Книга содержит нецензурную брань

© Инфинити И., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	10
Глава 3.	12
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Глава 6.	19
Глава 7.	22
Глава 8.	26
Глава 9.	29
Глава 10.	31
Глава 11.	33
Глава 12.	35
Глава 13.	39
Глава 14.	43
Глава 15.	46
Глава 16.	51
Глава 17.	53
Глава 18.	56
Глава 19.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1

7:00.

Противная трель будильника заставляет меня оторвать голову от подушки.

— Ммм, — недовольно мычит рядом Игорь.

— Просыпайся, — целую мужа в щеку и нехотя поднимаюсь с кровати.

Тру сонные глаза, подтягиваюсь и хочу подняться на ноги, как сильная рука мужа валит меня обратно на кровать. Я утыкаюсь ему в шею и аккуратно целую, пока ладонь супруга забирается под мою ночную сорочку.

— Игорь, ты опоздаешь, — смеюсь.

— У меня первая пациентка в девять.

— А у Владика садик в восемь!

Я быстро выбираюсь из захвата мужа, набрасываю на себя легкий шелковый халатик и направляюсь в ванную. Умываюсь, чищу зубы и тороплюсь на кухню готовить завтрак. Для Игоря жарю яичницу с беконом и нарезаю салат. Для Владика варю манную кашу.

Выключаю конфорки, иду будить сына.

— Владик, пора вставать, — целую его пухлые щечки.

— Ну мааам, — хнычет. — Я не хочу в садик.

— Даже Супермен ходил в садик, а ты что же у меня, не Супермен?

Я принимаюсь щекотать сына, и он тут же заливается звонким смехом. Поднимаю его на руки и несу в ванную. Проконтролировав, чтобы Владик почистил зубки, веду его на кухню, где уже сидит за столом Игорь.

— Кто придумал садик? — недовольно вопрошает сын, когда я ставлю перед ним тарелку манки.

— Все сильные мальчики должны ходить в садик, — муж игриво щипает Владика за бок.

— Пап, ты тоже ходил?

— Конечно.

— Поскорее бы уже этот садик закончился.

Я продолжаю суетиться у плиты. Надо сварить Игорю кофе, а Владика сделать какао.

— Когда закончится садик, начнется школа, — говорит муж. — И ты еще будешь скучать по садику.

— Там что, хуже, чем в садике!?

— Ну как сказать...

— А там заставляют спать?

— Нет.

— Тогда там лучше, чем в садике. Ненавижу, когда воспитательница заставляет спать.

— Уууу, Владик, ты потом еще будешь мечтать о том, чтобы поспать в обед.

Сын скептически кривится, мол, да не может такого быть. Я ставлю перед своими мужчинами кружки с напитками и тороплюсь на лоджию. Снимаю с веревки белый халат мужа, раскладываю гладилку и принимаюсь гладить.

Сегодня всего лишь один день из моей жизни домохозяйки. Поднять мужа и сына, приготовить им завтрак, погладить Игорю чистый халат, одеть Владика в садик. Потом выйти на балкон и проводить их взглядом до машины, помахать напоследок и смотреть за удаляющейся «Тойотой», пока она не выедет со двора.

Ну а затем у меня стандартная рутина: убрать, сходить в магазин, приготовить обед, постирать, забрать Владика из садика, встретить мужа с работы... И так каждый день. Я не жалуюсь. Мне нравится быть женой и мамой, я счастлива в своей собственной семье. У меня замечательный муж и прекрасный сын. Я не представляю своей жизни без них обоих.

— Халат готов, — говорю Игорю, когда он проходит в комнату.

— Спасибо, — муж целует меня в губы. — Я тут подумал, что у нас давно не было свидания.

Расплываюсь в довольной улыбке.

— Давай на выходных Владика к моей маме отвезем?

— Давай, — шепчу в предвкушении свидания с мужем.

Игорь еще раз целует меня и принимается собираться на работу. Я же бегу в детскую и контролирую, чтобы сын оделся. Через двадцать минут мои мужчины уже стоят в верхней одежде и обуви у двери. Начало апреля, а на улице еще холодно.

— Все, Сонь, до вечера, — говорит Игорь.

— До вечера, — я наклоняюсь к Владiku и смачно целую его в щеку. — Хорошо води себя в садике.

Сын кривится:

— Там заставляют есть вареный лук в супе, — ворчит. — И вообще, я хочу компьютер, а не садик.

— Тебе еще рано компьютер.

Закрываю за Игорем и Владиком дверь и иду на балкон на кухне. И только когда автомобиль супруга скрывается из моего вида, возвращаюсь обратно и принимаюсь убирать посуду.

Помыв тарелки, я одеваюсь, делаю легкий макияж и иду в банк. У карточки закончился срок действия, и нужно забрать новую. На ужин надо будет приготовить индейку, думаю, шагая по тротуару широкой дороги. Или лучше рыбу? Давно не было рыбы, да, куплю на обратной дороге форель.

Мои мысли прерывает протяжный вой сирены откуда-то издалека. То ли полицейской машины, то ли скорой помощи. Не придавая звукам особого значения, я продолжаю путь дальше.

Но вой сирены усиливается, приближаясь ко мне, к нему добавляется голос в громкоговоритель. Все-таки оглядываюсь назад и вижу быстро едущий автомобиль, а за ним вдалеке полицейскую погоню. Не знаю, почему, но я вдруг останавливаюсь на тротуаре и наблюдаю за стремительно приближающейся черной легковушкой.

Неожиданно она с громким ревом шин резко тормозит возле меня. Я и опомниться не успеваю, как из тонированной машины выскакивает клоун и наводит на меня пистолет.

— В машину села, быстро! — приказывает.

Я таращусь на направленное на меня дуло пистолета и стою, как вкопанная. Тогда клоун грубо хватает меня за руку и тащит в салон силой.

Мой мозг не успевает сообразить, что происходит. Как только захлопывается дверь автомобиля, он тут же резко трогается с места.

— Эй-эй, — начинаю метаться. — Выпустите меня!!!

— Заткнись, — клоун приставляет холодное дуло ровно к моему лбу.

Животный ужас охватывает все тело. Я цепенею и принимаюсь трястись в мелкой дрожи.

— Рыпнешься — пристрелю, поняла меня? — цедит мне в лицо человек в гриме клоуна.

У меня даже нет сил кивнуть, что я поняла. Совершенно дикий, холодный ужас сковал каждую клеточку моего тела. Сзади раздаются выстрелы, клоун пригибается, при этом продолжая держать меня на мушке. Я тоже хочу пригнуться, но он не дает мне:

— Сиди прямо.

Сейчас он навел пистолет мне на живот. Я растерянно кручу головой по салону. За рулем быстро переключает передачи еще один клоун, на пассажирском сиденье тоже человек в гриме клоуна.

Господи, что происходит!!!!???

По лицу градом текут слезы. Мысли хаотично носятся в голове, вой полицейской сирены не прекращается ни на секунду. Машина едет очень быстро, водитель ведет грубо, срезая повороты, проскакивая красные светофоры. Меня кидает по салону из стороны в сторону, но клоун продолжает наводить на меня дуло.

— Кто вы..?? — выдавливаю с плачем.

— Заткнись, сказал, — и холодный металл снова касается моего лица.

Я зажмуриваю глаза и принимаюсь рыдать навзрыд, дрожа от страха. Вой сирены вдруг замолкает. «Меня не спасут?», проносится в голове.

— Вроде оторвались, — говорит один из клоунов.

— Не факт, — отвечает тот, что держит меня на мушке.

Водитель не сбавляет скорости. Мы мчим неизвестно, куда.

Почему нет полиции?

Меня убьют?

Я забиваюсь в угол, накрываю лицо ладонями и принимаюсь скулить.

— Да заткнись ты, — дуло тычется мне в пальцы.

А я наоборот начинаю скулить еще громче. Не знаю, сколько это длится. Я потеряла счет времени. Лишь одно в голове: «Меня убьют, меня убьют».

Машина останавливается. Клоун грубо хватает меня за ворот пальто и тащит из салона. Словно тряпичная кукла, я следую, ощущая затылком металлическое дуло.

Это какой-то заброшенный ангар. Меня заводят, с шумом опускают металлическую дверь и, не сводя с меня пистолета, приказывают сесть на стул.

— Пожалуйста-пожалуйста, отпустите меня... — заикаюсь, плача. — Я просто шла мимо...

— Рот закрыла, — дуло касается моих губ. — Ты наша гарантия свободы. Будешь делать, что скажем, поняла?

— У меня маленький сын, пожалуйста... — продолжаю реветь.

Мысль, что я могу больше никогда не увидеть Владика, своего любимого единственного сыночка, вышибает у меня весь воздух из легких. Только сегодня утром я варила Владiku кашу, и все было, как обычно, а сейчас я сижу под дулом пистолета, пока мне сзади связывают руки. Покончив с моими кистями, мне завязывают и ноги.

— Че делать будем, если нагрянут сейчас? — спрашивает один из клоунов. Не тот, что держал меня на мушке. Они все трое с одинаковым гримом, я не могу их различить.

— Да я вроде оторвался.

— Ты не забывай, что везде камеры.

— Джокер велел сидеть тут. Нагрянут — у нас есть она, — «мой» клоун машет в меня пистолетом.

— Джокер свою задницу хорошо прикрыл, еще и бабло унес, а мы под прицелом.

Клоуны начинают ругаться между собой. Упоминают какого-то Джокера, деньги, что-то еще... а я сижу связанная и мысленно прощаюсь с жизнью. Перед глазами снова и снова проносятся самые счастливые моменты: рождение сына, его первый день рождения, его первые шаги, его первые «мама» и «папа»...

Вой сирен за ангаром заставляет клоунов замолчать.

— Вы окружены! — раздается в громкоговоритель. — Немедленно сложите оружие и сдайтесь.

— Я тебе говорил, они нагрянут! — психует один из клоунов. — Джокер унес свою задницу, а мы сейчас влипнем!

— Не паникуй, у нас есть она! — в мою сторону снова направляется пистолет, заставляя меня сжаться.

— Твою мать! — психует третий клоун.

— Вы окружены! — снова звучит громкоговоритель. — Немедленно сложите оружие и выйдите из укрытия.

— Че делать будем? — спрашивает один из клоунов.

Они снова ругаются между собой. С улицы звучат предупреждения из громкоговорителя, клоуны бесятся еще сильнее. Какофония звуков выбивает из меня все силы. Веки опускаются, темнота подступает к глазам...

Резкий рывок — и я на ногах. Быстро верчу по сторонам головой, не понимая, что произошло.

— Рыпнешься — и я пушу тебе пулю в башку, — звучит зловеющий голос клоуна, а виска касается холодный металл. Я вдруг понимаю, что мне развязали ноги. Видимо, я все-таки отключилась на несколько минут и не почувствовала этого.

Два других клоуна исчезли. Похититель толкает меня вперед, я делаю несколько шагов по направлению к металлической двери, которая в этот момент поднимается вверх.

— Я УБЬЮ ЕЕ! — голосит клоун у меня за спиной, продолжая прижимать к моему виску пистолет.

Металлическая дверь открылась до конца. Напротив входа стоит, наверное, десяток полицейских машин, а всюду люди в черных масках и с автоматами в руках. Наверное, это омон или спецназ, я их не различаю.

— Одно ваше неверное действие, и я пушу ей пулю, — кричит клоун. — У меня будут условия, если вы хотите, чтобы я ее отпустил.

Клоун снова подталкивает меня вперед, теперь на выход из ангара. Я послушно семеню, неотрывно ощущая холод металла на виске. Выйдя из помещения, мы останавливаемся. Десятки автоматов направлены в нашу сторону.

Мне становится еще страшнее. Что если они промахнутся..? Что если они случайно убьют меня, а не его..?

— Немедленно отпустите девушку, — снова раздается голос в громкоговоритель.

— Черта с два! У меня условия: вы разворачиваетесь и убегаете отсюда, только тогда я ее отпущу. Иначе грохну прямо здесь и сейчас. Мне больше нечего терять! И у нас есть еще заложники, больше десяти человек прямо сейчас сидят на наших мушках.

Я уже не понимаю, что происходит. Лишь неотрывно чувствую прохладу металла у своего виска. Клоун еще что-то говорит, ему отвечают в рупор. Он сильнее прижимает меня к себе и сильнее давит дулом мне в висок.

Я скольжу глазами по десяткам лиц в масках. А затем непроизвольно поднимаю глаза выше. На крыше амбара напротив голова в такой же черной маске и дуло. Но только не автомата, а, кажется, снайперской винтовки.

Я смотрю ровно туда, на снайпера. Его прицел в свою очередь смотрит ровно на меня, а палец опущен на курок. Внутри что-то начинает шевелиться. Нет, уже не животный страх, который я испытываю с той секунды, как меня похитили. Это что-то другое. Я смотрю на снайпера, а сердце начинает бить набатом в ушах.

«Он ушел в армию»

«Забрали снайпером»

«Его убил другой снайпер»...

В памяти всплывают обрывки фраз из прошлого, которые я похоронила глубоко в себе вместе с человеком, которого когда-то сильно любила.

Я продолжаю неотрывно разглядывать снайперскую винтовку на крыше, уже не слушая клоуна и громкоговоритель. И вдруг рука снайпера дергается, захват на моем теле резко ослабевает, прохлада металла отходит от виска. Клоун валится на землю, а под его головой растекается лужица крови.

Меня начинает трясти. Я быстро вскидываю взгляд обратно к крыше. Снайпер встал на ноги, держит в руках винтовку и неотрывно, пристально смотрит на меня. Впилился взглядом и даже не шевелится.

Это он выстрелил в клоуна, вдруг догадываюсь. Это сделал снайпер. И отчего-то внутри поднимается волна паники.

«Почему у меня ощущение, что он мне знаком?», успеваю подумать прежде, чем меня накрывает темнота.

Глава 2.

Пи. Пи. Пи.

Противный звук врезается в мозг и тут же вызывает головную боль. Приоткрываю веки и сразу морщусь от яркого света лампы, бьющего в глаза. Ничего не понимаю: где я, что произошло, почему так больно, почему так сильно хочется пить.

Взгляд фокусируется на столе напротив. Обычный белый стол, а на нем ваза с разноцветными тюльпанами. Моими любимыми.

— Привет, — слышу тихий, до боли знакомый голос.

Слегка поворачиваю голову вправо и вижу... Диму. Он сидит на стуле возле меня.

Боже, как давно он мне не снился. Внимательно, жадно всматриваюсь в его лицо. Сейчас Дима пришел в мой сон сильно повзрослевшим: отросшая щетина на щеках, очень широкие плечи и грудная клетка. И взгляд другой. Нет в нем того озорного огонька, что был в школе.

Раньше Дима мне всегда снился таким, как я его запомнила. Теперь же передо мной не юноша, а молодой мужчина.

Очень странный сон. Я вроде бы понимаю, что это сновидение, но в то же время могу мыслить, анализировать изменения в Димином облике. И сам Дима... такой реальный. Но, конечно, он не может быть реальным.

Если я вижу Диму, значит, он мне снится. По-другому невозможно.

— Как ты, Соня? — спрашивает, а я вслушиваюсь в его голос. Тоже немножко изменился. Стал чуть грубее, мужественнее.

— Дима... — шепчу и улыбаюсь, забывая про головную боль и жажду.

Как же давно он мне не снился. Я так соскучилась.

Моя рука опутана какими-то проводами, но я все равно тяну ее к нему. Вдруг получится? Вдруг в этот раз удастся прикоснуться? Во всех предыдущих снах не удавалось. Я тянула к Диме руку, а он исчезал.

Я накрываю своей ладонью его. Получилось! Он не исчез!

Из глаз текут слезы, я сильнее сжимаю его ладонь, а Дима в ответ сжимает мою. Его рука теплая и мягкая. Такая, как я помню.

— У меня получилось, — плачу и смеюсь.

— Что получилось?

— Дотронуться до тебя. Раньше не получалось.

Димино лицо изображается легким недоумением.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе что-нибудь подать? Или позвать врача?

Качаю головой. Не понимаю, о каком враче он говорит, но ладно, не буду тратить время на ненужные вопросы. Я в любой момент могу проснуться, и Димы больше не будет.

— Как твои дела, Соня? Как ты? — спрашивает и переплетает наши пальцы.

У меня аж дыхание захватывает от этого. Я чувствую Диминову ладонь каждым миллиметром своей кожи. Это такое наслаждение. Непередаваемое.

— Хорошо, — продолжаю улыбаться сквозь слезы. — У меня все хорошо, Дима, не переживай за меня. Все наладилось.

Слегка приподнимает уголки губ и смотрит с легкой тоской.

— Я рад, если у тебя все хорошо.

— Да, — пару раз киваю. — Все нормально у меня.

Это самый лучший сон в моей жизни. Я вижу Диму, как настоящего. Разговариваю с ним, держу его руку.

А что если и обнять получится?

Я в каких-то проводах, они не дают мне подняться, хоть я и предпринимаю попытку.

— Тебе что-то подать? — тут же спрашивает.

— Я хочу тебя обнять, а для этого мне нужно встать. Сними с меня все это, — указываю на провода.

— Нет, их, наверное, снимать нельзя, — серьезно отвечает.

Это же сон, думаю про себя. Ничего же не случится, если я сниму с себя какие-то провода.

— Я тебя так обниму, — вдруг говорит.

Я замираю на постели. Дима выпускает мою ладонь и склоняется надо мной. Просовывает руки мне под плечи, а сам ложится на меня корпусом и... обнимает. Получилось!

— Ох, Белоснежка... — шепчет на ухо и втягивает запах моих волос. — Ты почти не изменилась. Даже пахнешь так же. С ума сойти.

— Я просто духи не меняю, — произношу в шутку.

Дима издаёт легкий смешок мне на ухо. Я тоже слегка приобнимаю его за плечи, насколько мне позволяют провода на руках. Почему их нельзя содрать и обняться нормально?

— А ты сильно изменился, — говорю через долгую паузу.

Дима все еще обнимает меня и дышит мне в шею. Его дыхание разгоняет мурашки по коже и возвращает меня в одни из самых счастливых дней в моей жизни — когда мы были вместе.

— Ты такой взрослый пришел ко мне сейчас... Расскажи мне, как ты там?

Раньше я много думала, есть ли жизнь после смерти. Мне хотелось верить, что есть. Хотелось верить, что Дима все-таки жив. Если не в нашем мире, то в другом.

— Да у меня тоже все нормально. Много чего, конечно, за эти годы произошло, но это я тебе в другой раз расскажу, если еще увидимся.

— Я очень хочу, чтобы мы еще увиделись, чтобы ты снова ко мне пришел, — шепчу, сильнее сжимая его плечи.

— Хорошо, приду.

А еще лучше — навсегда остаться в этом сне и никогда не просыпаться. Дима здесь, как настоящий человек. Хотя мое подсознание даже сейчас во сне понимает, что это лишь проекция мозга, Димы на самом деле нет, и я больше никогда его не обниму.

И когда Дима в следующий раз придет ко мне во сне, не факт, что я смогу с ним так разговаривать и трогать его. Во всех снах до этого не могла. Просыпалась среди ночи со слезами на глазах и уходила скулить в ванную.

— Ой, все-таки мы задели один провод, — Дима испуганно от меня отстраняется.

— Да по фиг. Это же просто сон.

Плакающий звук набирает обороты.

— Слушай, я позову врача. Мне кажется, что-то не то.

— Не уходи! — испуганно кричу, но поздно, потому что Дима уже подскочил со стула и выбежал за дверь.

У меня перед глазами начинает резко темнеть.

Так где же я все-таки? Успеваю оглядеть пространство, похожее на больничную палату. Глаза снова цепляются за разноцветные тюльпаны в вазе. Такие мне раньше дарил Дима. Часто и много.

А дальше наступает тьма.

Глава 3.

Опять плакающий звук проникает в мозг. Со стоном открываю глаза и фокусируюсь на лампе с ярким светом.

— Соня, — слышу голос мужа.

Поворачиваю к нему голову. Игорь то ли грустный, то ли испуганный сидит у моей кровати.

— Где я? — спрашиваю, еле ворочая языком.

— В больнице. Тебя... — запинается. — Похитили и чуть не убили.

Несколько секунд я недоуменно смотрю на мужа, а потом в памяти медленно начинают восстанавливаться события. Я иду в банк менять карточку, возле меня останавливается машина, и клоун с пистолетом заставляет меня сесть внутрь.

Нутро снова пронизывает ледяной ужас. Он заполняет каждую клеточку моего тела, заставляя цепенеть. Я издаю стон, и Игорь тут же сжимает мою ладонь в своей.

— Уже все хорошо, — спешит меня успокоить. — Ты в безопасности, с тобой все в порядке. Я посмотрел твои анализы, поговорил с врачом, все будет нормально. Ты просто пережила сильный стресс, нужно от него оправиться.

Слезы комом встают в горле, когда я до последней детали вспоминаю все, что произошло. Кажется, даже до сих пор чувствую виском холод дула пистолета и слышу голос клоуна.

— Где Владик? — испуганно спрашиваю мужа.

— С моей мамой.

— А давно я здесь? Когда это все произошло?

— Ты уже больше суток в больнице. Тебя похитили вчера утром.

— Боже, Игорь, я думала, я вас больше не увижу... — слеза скатывается по щеке.

— Ну все, все, постарайся это не вспоминать. Забудь, как страшный сон, — муж сильнее сжимает мою руку.

Сон. Я тут же вспоминаю кое-что еще. Мне снился Дима. Я была в каких-то проводах, а он сидел на месте Игоря и разговаривал со мной. Еще держал за руку, а потом обнял.

Оглядываю себя. Похоже, что я на той же кровати и в той же больничной сорочке, что и во сне, только проводов сейчас на мне нет. Рассматриваю палату. Во сне она была такой же. Мой взгляд перемещается прямо перед кроватью и замирает на двух букетах, стоящих на столе: один из красных роз, второй из разноцветных тюльпанов. Последний — точно, как в моем сне.

— А что это за цветы? — указываю головой на букеты.

— Розы от меня, а тюльпаны не знаю.

Я зависаю, рассматривая последние. В вазе белые, красные и желтые тюльпаны. Это тот же самый букет в той же самой вазе, что мне снились.

Но... как такое возможно?

— Интересно, от кого тюльпаны. Ко мне кроме тебя больше никто не приходил.

— Может быть, моя мама прислала. Она собиралась. Еще хочет тебя навестить.

Присылать цветы курьером — это очень в стиле моей свекрови. Медленно облегченно выдыхаю.

— Владик знает, что со мной случилось?

— Нет, конечно. Я просто сказал ему, что ты немножко приболела.

Аккуратно сажусь на кровати и со слезами смотрю на мужа. Я ведь могла больше никогда его не увидеть... Игорь заключает меня в свои крепкие объятия и успокаивающими движениями поглаживает по волосам.

— Я чуть с ума не сошёл вчера, — тихо говорит на ухо. — Мне позвонила воспитательница из детского сада и сказала, что за Владиком никто не пришел. Тебе дозвониться она не

смогла. Я все бросил, сразу домой. Параллельно позвонил маме, попросил ее забрать ребенка. Захожу в квартиру, тебя нет, на звонки не отвечаешь.

— А где мой телефон?

— Нет ни его, ни твоей сумки. Наверное, остались у похитителей.

Я вспоминаю, что, когда меня привезли к амбару и силой потащили из машины, сумка свалилась с плеча и осталась в салоне авто. А там были паспорт, телефон, кошелёк и много чего еще. Обреченно закрываю глаза.

— И что ты делал дальше?

— Стал звонить главврачам больниц и называть твои приметы. Почти сразу обнаружилась девушка, похожая на тебя. Я приехал, ты спала. Хотел забрать тебя в свою больницу, но решил, что пока тебя лучше не перевозить. Дал наставления врачам и попросил перевести тебя в нормальную индивидуальную палату. Приезжала полиция, позднее они тебя допросят как свидетеля.

Так как мой муж известный на всю Москву врач, у него есть связи почти во всех больницах на уровне главврачей. Поэтому неудивительно, что он сразу стал звонить самому верхнему звену, да ещё и дал тут наставлений.

— Я просто шла по улице, а машина резко остановилась, и выбежал клоун с пистолетом.

— Клоун?

— Они были в гриме клоунов.

— Господи...

— Угу, я больше не смогу заказывать Владiku на день рождения клоунов.

— Когда тебя выпишут, надо будет пройти курс у психолога.

— Ой, нет!

Отстраняюсь от мужа и удобнее сажусь на кровати.

— Соня, психологическое здоровье не менее важно, чем физическое.

— Ладно, — говорю, чтобы не спорить. У меня сейчас нет на это сил. — Долго мне еще здесь быть? Я хочу домой.

— Еще дня два-три, думаю. Мне уже пора возвращаться в больницу. Попозже к тебе придёт моя мама с Владиком.

— Хорошо.

Игорь целует меня в губы и уходит, а я так и остаюсь сидеть на постели, размышляя о случившемся. Клоуна убил снайпер. Одним четким выстрелом прямо в голову.

Какой же это все ужас! Наверное, Игорь прав, мне надо будет пройти курс у психолога. Мне же теперь будет страшно ходить по улице.

Мой взгляд снова перемещается на букет тюльпанов. Аккуратно встаю с постели и подхожу к цветам. Снова вспоминаю сон с Димой. Это совершенно точно тюльпаны из моего сна. Но как они могли мне присниться? Может, я просыпалась раньше, увидела цветы, они отпечатались в мозгу, а потом приснились?

Такие букеты мне очень давно в школе дарил Дима Соболев. Губ касается грустная улыбка. Я столько лет мечтала еще хоть раз обнять Диму, и вот это наконец-то произошло. Хоть и во сне.

Склоняюсь к тюльпанам и вдыхаю запах. Они пахнут весной и моими счастливыми школьными днями, когда я ходила на свидания с Димой Соболевым. Ну надо же было, чтобы свекровь заказала мне именно такой букет.

Глава 4.

В дверь моей палаты раздается стук и заглядывает медсестра.

— К вам можно?

— Да, проходите.

Девушка переступает порог с букетом пионов.

— Курьер привёз вам цветы, — под мой удивленный взгляд медсестра приближается к столу и ставит на него охапку ярко-розовых пионов в коробке.

— От кого? — удивляюсь.

— Здесь есть записка.

Беру в руки картонную карточку и читаю:

«Сонечка, миленькая моя, поправляйся скорее! С любовью, Лидия Степановна».

Это и есть букет от свекрови. Ничего не понимаю.

— Подождите, — окликаю выходящую за дверь медсестру.

Девушка оборачивается.

— А вы не знаете, от кого этот букет? — указываю на тюльпаны.

— Нет.

— А ко мне кто-нибудь приходил помимо моего мужа?

— Сегодня утром у вас был посетитель.

Тело прошибает током.

— Кто? — спрашиваю, чувствуя, как слабеют колени.

— Какой-то молодой человек. Высокий, широкоплечий, брюнет. Спросите на охране внизу, у нас все посетители отмечаются в журнале.

Мне становится дурно. Медсестра выходит в коридор, а я хватаюсь рукой за стол, чтобы не свалиться на пол. Мне снова снится сон? Нет-нет, сейчас это не может быть сон, я разговаривала с Игорем, я четко понимаю, что я не сплю.

Или опять сплю?

Такое ощущение, что я попала в фильм «Начало» с Леонардо ДиКаприо, где герои не понимали, во сне они или в реальности. Кусаю себя за руку. Больно. Нет, я точно не сплю.

Опять смотрю на тюльпаны. Если они не от свекрови, то от кого? И что за посетитель был у меня утром? Высокий, широкоплечий, брюнет... В горле моментально пересыхает, и я сильнее хватаюсь за стол.

Но... Мало ли какой брюнет мог ко мне приходить, пока я спала? Вдруг он был из полиции? Вот только странно, что полицейский пришел с цветами. Или цветы вообще от кого-то другого?

Срываюсь с места и выбегаю из палаты. Спросив у мимо проходящего врача, где пункт охраны, мчусь к лифту. Металлическая кабинка едет очень медленно, а адреналин по моей крови разливается очень быстро. Сердце больно шаршит о рёбра и, кажется, выпрыгнет из груди.

— Здравствуйте, — подбегаю, запыхавшись, к охраннику. — Меня зовут Софья Коган, я лежу в 504 палате. Мне сказали, что сегодня утром у меня был посетитель. Можно узнать, кто?

— Да, конечно, — мужик в очках пролистывает пару страниц журнала. — Так, 504 палата. К вам недавно приходил Коган Игорь...

— Это мой муж, — нетерпеливо перебиваю. — А утром? Был еще кто-нибудь?

— Да, утром был Соболев Дмитрий.

— КТО!!!??? — в ужасе восклицаю так громко, что на меня все оглядываются.

— Соболев Дмитрий Владимирович, пришел в 11:15 утра, вот он расписался, посмотрите, — придвигает ко мне журнал.

Ноги меня не держат, и я чуть не падаю, едва успев схватиться за вовремя подскочившему ко мне охраннику.

— Девушка, что-то не так? Врача позвать? — мужчина в форме крепко меня держит в вертикальном положении. Но если отпустит — точно рухну.

— Это невозможно, — шепчу сухими губами. — Не может быть...

— Хотите посмотреть записи с камер? Я могу отмотать.

Охранник одной рукой крепко меня держит, а второй придвигает стул и опускает меня на него. Тело бросает в пот, на лбу выступает испарина, к горлу подступает тошнота. Воздуха катастрофически не хватает, я втягиваю его глубоко в легкие, но все равно мало.

— Это какая-то шутка. Кто-то меня разыграл, — лепечу. — Он не мог прийти.

— Может, позвать врача? — охранник смотрит на меня с явным беспокойством.

Мотаю головой.

— Я сейчас.

Мужчина отбегает от меня к кулеру с водой и возвращается со стаканчиком.

— Выпейте.

Жадно глотаю холодную воду. Руки трясутся, перед глазами пляшут мурашки. Я крепко зажмуриваю веки, изо всех сил стараюсь привести себя в чувство. Это розыгрыш. Это чей-то дурацкий гадкий розыгрыш. Димы нет. Дима умер.

Когда-то очень давно я постоянно повторяла себе эти слова, чтобы смириться с его смертью и больше не ждать звонка или внезапного появления. Закрывала глаза и повторяла, как попугай: «Дима умер. Димы больше нет. А я должна жить дальше. Я должна. Ради сына. Ради нашего сына».

— Так хотите посмотреть записи с камер? — охранник напоминает о себе.

Разлепляю веки. Нет сил, чтобы сказать «да» вслух, поэтому просто киваю. Мужчина помогает мне подняться и ведет меня в маленькую комнату рядом с охранным постом. Там снова усаживает на стул и принимается отматывать видео на экранах.

— Так-с, ну вот давайте с 11:10 начнём смотреть.

Камера снимает с потолка, поэтому лица людей не очень хорошо видны, но все же рассмотреть можно. Я жадно всматриваюсь в экран, боясь пропустить малейшую деталь. Минуты тянутся долго. Адреналин разгоняется по крови с новой силой.

11:13.

Заходит ОН. Дима. С букетом тюльпанов в руках.

Я со всей силы хватаюсь за ручки стула, вонзая ногти в пластик. Быстро-быстро моргаю, вдруг привиделся. Но Дима не исчезает с экрана. Останавливается у охраны, достаёт паспорт, ждет, когда его запишут в журнал, затем расписывается и проходит дальше.

Я накрываю ладонью рот, чтобы подавить рвущийся из меня крик.

— Ой-ой-ой, девушка, вам плохо? — суетится рядом охранник. — Давайте врача все-таки позову. А этого мужчину больше не пускать к вам?

Я падаю лицом в колени и вою белугой. Это не сон. Это точно не сон...

Ко мне приходил Дима...

Живой...

Глава 5.

Меня трясёт. Не помню, как очутилась в своей палате. Вроде охранник позвал какого-то врача, и меня увезли на каталке, что-то вколов. Если это успокоительное, то оно ни черта не помогает. Я лежу на больничной койке и дрожу всем телом. В висках пульсирует: «ДИМА ЖИВ».

Но я все равно не верю. Видела его своими глазами на экране, а все-таки не верю. Может, это был кто-то, очень похожий на Диму? Вот только откуда у этого человека Димин паспорт? Взгляд сам переводится на цветы. Солнечный свет из окна падает на них, и бутоны тюльпанов красиво раскрылись.

Горло стягивает колючей проволокой. Так сильно, что больно глотать. Это все какое-то сумасшествие... Какая-то паранойя... Это не мог быть Дима, не мог. Кто-то меня жестоко разыграл.

Димы нет. Его нет уже почти семь лет.

Дверь палаты тихонько приоткрывается.

— Сонечка, к тебе можно? — заглядывает свекровь.

— Да-да, конечно, — быстро собираю себя в кучу. — Здравствуйте, Лидия Степановна.

— Здравствуй, дорогая.

Свекровь проходит в палату с пакетом в руках, следом за ней Владик. Ребенок тут же бежит к моей кровати.

— Мама, ты заболела? — спрашивает с грустью.

— Совсем чуть-чуть, скоро уже поправлюсь.

Я крепко обнимаю сына и принимаюсь целовать его в щечки. Стоит мне увидеть Владика — все переживания, все горести тут же уходят на второй план. Вот и сейчас я прижимаю к себе сына, позабыв о похищении, позабыв о человеке, похожем на Диму.

— Это что же такое творится-то, середь бела дня! — свекровь ставит на стол пакет и достаёт из него фрукты. — Ох, Игорь когда мне рассказал, меня чуть удар не хватил, — оставляет фрукты и подходит ко мне, тоже обнимает.

— Лидия Степановна, — произношу ее имя с нажимом, давая понять, что при сыне лучше не говорить о произошедшем.

Свекровь кивает и отходит обратно к столу раскладывать фрукты в тарелку, а я снимаю с Владика ботиночки и поднимаю его к себе на кровать.

— Мама, я уже соскучился по тебе.

Крепче прижимаю сына, блаженно улыбаясь. Мое счастье, мой смысл жизни. С ума сойти можно от одной только мысли, что я могла больше никогда не увидеть Владика, никогда больше его не поцеловать.

— И я тоже очень по тебе соскучилась, зайчик. Скоро я уже буду дома.

— Ты будешь собирать со мной Лего?

— Конечно, буду.

— Ох, Сонечка, — свекровь отодвигает стул от стола и садится на него. — Что врачи говорят?

— Все нормально, Лидия Степановна, не переживайте. Через пару дней меня выпишут.

— Но их хоть повязали?

— Этого я не знаю.

— Кого повязали? — встречает Владик. — Вы о чем говорите?

Вот же свекрови нечем обсуждать мое похищение при ребёнке. Я посылаю ей глазами сигнал свернуть эту тему. Лидия Степановна торопливо кивает.

— Пойду помою фрукты, где тут можно найти воду?

— В конце коридора женский туалет.

Свекровь выходит с тарелкой в руках, оставляя нас с Владиком вдвоём.

— Мам, о чем вы с бабушкой говорили?

— О подвязывании помидоров, — сочиняю на ходу. — Помнишь, как на даче бабушка всегда помидоры подвязывает?

— Ааа. Мам, а бабушка сказала, что меня надо отдать в музыкальную школу. Скажи ей, что я не хочу.

Приподнимаюсь на локте и удивленно смотрю на Владика.

— В музыкальную школу?

— Да, она сказала, что меня надо отдать на скрипку. Но, мам, я не хочу скрипку, я хочу компьютер.

При слове «компьютер» меня словно током прошибает. Я смотрю в лицо сына, ища в нем свои черты, и снова не нахожу. Я пролежала в больнице всю беременность, чуть не умерла во время родов, а Владика совершенно ничего от меня не досталось. У него черные волосы и темно-карие глаза, а теперь еще и неизвестно откуда взявшаяся тяга к компьютерам.

Перевожу взгляд с лица сына на тюльпаны. Сердцебиение учащается до стука в ушах, на позвоночнике проступает испарина.

Неужели Дима действительно жив? Неужели ко мне приходил он?

— Мам, так вы с папой купите мне компьютер? — хнычет, а мне становится еще хуже.

— Сонечка, — в палату заходит свекровь. — Я тут подумала, надо бы Владика отдать в музыкальную школу. А то он все заладил со своим компьютером, а компьютер — это вредно. Пускай лучше скрипке обучится, — Лидия Степановна ставит тарелку с фруктами на стол и разворачивается ко мне корпусом.

Я без сил падаю головой на подушку.

— Мам, скажи ей, что я не хочу, — Владик шепчет мне на ухо.

— Вы думаете, Владик будет скрипачом? — спрашиваю, глядя в потолок, а у самой мысли не здесь. Они снова с Димой и тюльпанами.

— Ну, скрипачом, может, и не будет, но музыкальная школа развивает слух, расширяет кругозор, и все же скрипка полезнее, чем компьютер. Подумайте об этом с Игорем.

— Мы подумаем, — сухо отрезаю.

— Надо будет отдать с сентября, чтобы пошел в музыкальную школу одновременно с обычной. Там будет прослушивание. Но у меня есть знакомая...

— Лидия Степановна, мы подумаем, — отрезаю еще резче.

— А что тут думать? Владика надо отдать на скрипку.

Когда Владик был совсем маленьким, свекровь мне очень помогала с ребенком. Она с удовольствием с ним сидела, укачивала, купала, играла. Сейчас Лидия Степановна тоже тоже всегда готова посидеть с Владиком, если нам с Игорем куда-то надо, но порой ее излишнее вмешательство меня подбешивает. Вот как сейчас. Она теперь не отстанет от нас с Игорем, пока Владик не пойдет в музыкальную школу.

Лидии Степановне 60 лет, но выглядит она чуть старше. У нее пышная седая шевелюра и, на мой взгляд, излишне старомодный стиль в одежде. Но несмотря на чрезмерную дотошность, мне нравится моя свекровь, у нас хорошие отношения.

— Игорь у меня ходил в музыкальную школу, — приговаривает, опускаясь на стул.

— И стал врачом, а не музыкантом.

— Стал духовно богатым. Музыкальная школа нужна именно для этого.

У меня уже разболелась голова, и я прикрываю глаза.

— Мам, ты же не отдашь меня в музыкальную школу? — с испугом шепчет Владик.

Слегка качаю головой, чтобы ему было заметно.

Свекровь проводит у меня почти час. К счастью, больше не говорит ни о моем похищении, ни о музыкальной школе. Обсуждаем ремонт на даче и летний отпуск. В предыдущие годы Лидия Степановна летала на отдых с нами, чтобы помогать с Владиком. Но сейчас ей уже тяжелы перелеты, поэтому в этом году мы поедem без нее.

Расцеловав Владика напоследок еще раз, я отпускаю его со свекровью, а сама ложусь обратно на кровать и снова смотрю в одну точку на белой стене. Взгляд так и порывается в сторону тюльпанов. При каждой мысли, что ко мне приходил настоящий живой Дима внутри все холодеет.

В итоге я решаю выбросить тюльпаны, чтобы они больше не мозолили глаза и не навевали параноидальные мысли о том, что умерший почти семь лет назад человек может быть каким-то образом жив.

Решительно поднимаюсь с койки и подхожу к столу. Достая тюльпаны из вазы и готовлюсь выбросить их в ведро,ломаю пополам, как в дверь раздается громкий стук.

— Кто там!? — рявкаю.

Дверь приоткрывается, и тюльпаны выпадают у меня из рук. Рвано выдохнув, пачусь назад, словно передо мной привидение.

— Привет, Белоснежка, — улыбается, закрывая дверь. — Я смотрю, тебе уже лучше.

Я продолжаю пятиться назад, пока не упираюсь в подоконник. От ужаса волосы на затылке шевелятся. Пытаюсь сморгнуть, но привидение не исчезает.

Передо мной стоит ОН — мужчина из моего прошлого и отец моего ребенка, смерть которого я оплакивала почти семь лет.

Глава 6.

— Соня, с тобой все в порядке? — улыбка сходит с лица Димы, и оно становится обеспокоенным.

Я молчу, поражённая тем, что вижу Соболева перед собой живым. Тогда он в несколько шагов преодолевает расстояние между нами и становится вплотную.

— Тебе плохо? Позвать врача? Ты сильно побледнела.

— Ты... — выдыхаю. — Жив...?

— Что? Ты о чем?

Заворожённо гляжу в его лицо. Оно такое же, как в моем сне, только теперь я понимаю, что то был не сон. Дима жив. И он приходил ко мне в больницу. И сейчас передо мной тоже он.

Тянусь к нему рукой и касаюсь пальцами лица. Дима слегка дергается, будто не ожидал от меня прикосновения, а потом накрывает своими тёплыми пальцами мои.

— Ты жив, — ахаю.

— Эээ, ну да... А не должен? — слегка смеется. — Соня, в чем дело?

В горло будто стекловаты насыпали. Мне трудно говорить, мне трудно дышать. В голове каламбур из мыслей, я не знаю, за какую из них ухватиться.

«ДИМА ЖИВ. ДИМА ЖИВ. ДИМА ЖИВ», громкой сиреной воет в мозг.

— Олеся сказала мне, что ты умер, — наконец-то выдавливаю из себя.

— А? Что?

Облизываю пересохшие губы. Мои пальцы все еще в Диминой ладони, руке вдруг становится обжигающе горячо. Выдергиваю свою кисть из его.

— Тогда, когда мы расстались, я потом искала тебя и виделась с Олесей. Она мне сказала, что ты ушел в армию и тебя там убили. Я все эти годы думала, что тебя нет в живых.

Мне кажется, мое сердце колотится громче, чем звучат слова. Дима сначала скептически на меня смотрит, затем его лицо вытягивается в изумлении.

— Олеся сказала тебе, что я умер??

— Да.

Неожиданно Дима начинает громко хохотать. Я сначала не понимаю, что происходит, но потом до меня доходит: его смех настоящий, искренний.

Диме смешно.

— Ну ты нашла, кого слушать, — произносит сквозь смех. — Это же Олеся. Все, что она говорит, нужно делить на два, а то и на три.

Соболев еще продолжает смеяться, но уже видно, что он пытается подавить этот порыв. А у меня же внутри будто чеку от гранаты срывает.

— ТЕБЕ СМЕШНО???? — взрываюсь криком на всю палату, и Дима резко замолкает. — Да я семь лет ставила в церкви свечи за упокой твоей души, ты понимаешь это??? А сейчас ты приходишь ко мне и говоришь, что Олесе нельзя верить?? Ты в своем уме?? Ты хоть понимаешь, что я пережила?? — не выдерживаю и с силой пихаю Диму в грудь, но он не сдвигается ни на миллиметр.

Соболев тут же серьезнеет, а я чувствую, как мои глаза жгут слезы. Я не хочу плакать перед ним, не хочу показывать, как я слаба и уязвима, но это сильнее меня.

— Черт... Я не знал об этом... Правда не знал. Она что, реально сказала тебе, что меня убили, и ты поверила!?

Жадно хватаю ртом воздух, щеки полыхают. Проклятая слеза скатывается по лицу, я тут же ее смахиваю.

— Я искала тебя тогда. Звонила, твой телефон не работал. Потом увидела Олеся. Она рыдала, билась головой об стену и кричала, что тебя убили и что это случилось из-за меня. Что

ты пошел из-за меня в армию, и там тебя... — я запинаюсь, но быстро сглатываю и собираю волю в кулак. — Я семь лет жила с мыслью, что ты мёртв. Ты понимаешь, какого мне было и какого мне сейчас видеть тебя живым?? Да я думала, я с ума сошла!

Дима растерянно проводит ладонью по волосам. Видно, что он шокирован услышанным.

— Я не знал, что Олеся тебе так сказала. Я тогда правда ушел в армию. Там у меня почти сразу украли телефон. Старая симка была оформлена на Антона, поэтому я не мог ее восстановить и купил новую. Олеся знала мой новый номер, я общался с ней. Я понятия не имею, зачем и почему она сказала тебе о моей якобы смерти. Никто меня в армии не убивал и даже не ранил, все со мной было в порядке. Бред какой-то.

Я молча смотрю на Диму. Смысл его слов доходит до меня не сразу, требуется время, чтобы я осознала услышанное.

Он ушел в армию.

Но с ним все было хорошо.

Диму никто не убивал.

Олеся знала, что он жив и в порядке.

— Она разыграла целое представление, — произношу, еле ворочая языком. — Она была бледная, рыдала, рвала на себе волосы... Я поверила ей.

Замечаю, как Дима тяжело сглатывает и сжимает челюсть. Раньше он так делал от злости.

— Она, наверное, репетировала перед тобой прослушивание в театральный, — хмыкает. — Ты знаешь, что Олеся стала актрисой?

О да, я знаю. Олеся Ведерникова во всех второсортных сериалах по телеканалу «Россия». Я когда первый раз увидела ее по телевизору, тут же узнала, но не поверила, что это действительно она, поэтому смотрела серию до конца, чтобы проверить в конце титры. И да, в титрах значилась Олеся Ведерникова. Димина сводная сестра стала актрисой дешевых российских сериалов. Потом, когда она еще мне попадалась по телевизору, я переключала канал.

Между нами повисает гнетущее молчание. Диме как будто бы неловко передо мной. Ну а я просто гляжу на него живого и все еще не могу поверить.

— Прости, я не знал... — тихо говорит.

— Где ты был, Дима? — срывается с губ вопрос, и новые слезы подкатывают к глазам. — Где ты был столько лет?

Пожимает плечами.

— Жил... Работал...

— Вот так просто? — хмыкаю. — Жил, работал?

— Ну да. Как все люди.

Мне невероятно сложно в это поверить. Пока я семь лет думала, что Дима мёртв и выходила замуж за другого, он, оказывается, просто жил и просто работал, как все люди.

Слезы струятся по лицу, и я прикрываю рот ладонью, чтобы подавить всхлип. Тело подрагивает, вдруг резко начало знобить.

— Ну-ну, хватит, — Дима делает шаг ко мне и обнимает, прижимая к своей груди. — Я жив, Соня. Это была очень жестокая шутка, я обязательно разберусь с Олесей.

Соболев гладит меня по волосам, пока я тихо скулю в его грудь.

— Почему ты не искал меня? — выдавливаю сквозь рыдания.

— А надо было?

— А надо было? — отрываю голову от его груди и отступаю на шаг. — Ты спрашиваешь, а надо ли было меня искать?

— Мы расстались, Соня. Ты выбрала свою семью, а не меня, а твоя семья не давала нам быть вместе. Зачем мне было тебя искать? Ты сделала свой выбор, и я отпустил тебя. Я пошел в армию, отслужил, потом заключил контракт. Сейчас работаю в спецназе. Я был в группе, которая тебя спасала.

Как Соболев узнал, что я больнице, было моим следующим вопросом, но он опередил меня и ответил. Поражает, с каким спокойствием Дима обо всем этом говорит: ты выбрала семью... сделала свой выбор... я тебя отпустил...

Внутри меня все кричит: Я была беременна от тебя, искала тебя, чтобы сказать об этом! А сейчас наш сын называет отцом совсем другого человека!

Если бы не случай с похищением, мы так никогда бы и не встретились, и я бы продолжала и дальше думать, что Соболев мёртв.

— А как ты, Соня? Как твоя жизнь? Чем занимаешься?

Дима предпринимает попытку растянуть губы в непринужденной улыбке. У меня же глазо в сердце разрастается жгучая обида.

— *Почему ты не искал меня?*

— *А надо было?*

Когда я всеми силами боролась за жизнь нашего ребенка, Дима был жив и даже не соби-рался меня искать...

— У меня все хорошо, — стараюсь произнести уверенно. — Вышла замуж.

Последние слова произношу с особым удовольствием.

Дима издаёт саркастичный смешок.

— Ах, да. Софья Коган. Твой муж достаточно хорош для тебя, по мнению твоих роди-телей? Они разрешили тебе выйти за него замуж?

Его голос звучит с издевкой. Челюсть снова сжимается, глаза из темно-карих становятся чёрными.

— Да, мой муж достаточно хорош, чтобы выйти за него замуж и родить от него ребенка.

И я снова произношу это с огромным удовольствием, упиваясь реакцией Соболева. Мне хочется сделать ему больно. Так же больно, как было мне, когда я осталась беременной наедине со своим горем.

— Даже так? — выгибает бровь. — У тебя есть ребенок?

— Да, есть. От хорошего мужа грех не родить. Так что, знаешь, семь лет жила с мыслью, что ты умер, и, пожалуй, продолжу так думать дальше. Спасибо, что навестил, Дима. Теперь можешь уходить. Олесе привет.

Но Соболев не уходит. Застыл на месте и прожигает меня чёрным взглядом.

— Уходи, Дима, — повторяю. — И больше не навещай меня. Я замужем, у меня семья. Твои визиты ни к чему.

— А когда я приходил первый раз, ты была очень даже рада.

— Я думала, что мне снится сон.

— Хороший был сон, правда?

Щеки обжигает огнём, когда вспоминаю, как тянулась к нему рукой, как просила обнять меня.

— Во сне ты мужа и ребенка не вспоминала, — едко замечает.

— Уходи, — твёрдо повторяю.

Кивает.

— До свидания, Соня.

— Прощай, а не до свидания.

— До свидания, — повторяет четко, закрывая за собой дверь палаты.

Глава 7.

После ухода Димы я еще долго стою на одном месте, как вкопанная. Тюльпаны под ногами беспощадно растоптаны. Так им и надо. Мне даже не хочется поднимать их с пола, прикасаться к ним. Когда-то очень давно я любила цветы от Димы, но не теперь.

Возвращаюсь обратно в постель и еще долго ворочаюсь с одного бока на другой. Нужно решить, что делать дальше. А впрочем... что тут решать? Дима жив, прекрасно, я за него рада. Вот уж что-то, а смерти я ему никогда не желала.

Только у меня теперь семья, и Владик называет отцом совсем другого человека. Я не представляю, как сказать шестилетнему ребёнку, что его папа — это не его папа. Игорь замечательный муж и отец, он делает все для меня и Владика. Он любит моего сына, как своего собственного. Я уверена, что Владик даже в будущем, когда вырастет, никогда не догадается, что Игорь ему не родной отец.

А что касается Димы, то я даже не уверена, нужен ли ему сейчас сын. Мне кажется, для Соболева сообщение о том, что у него есть ребенок, будет таким же потрясением, как и для меня, что Соболев жив. Хотя, безусловно, Дима имеет право знать о существовании Владика. И я честно пыталась ему сказать, искала его. Но... Пусть скажет спасибо Олесе.

Снова и снова прокручиваю нашу с ней встречу. У меня не было ни единого повода усомниться в ее словах, слишком убедительна была эта актриса погорелого театра. Да и разве можно представить, что кто-то решит вот так обмануть? Только непонятно, какой у нее был мотив. Да и какая уже разница.

Я засыпаю глубокой ночью, а утром меня будят следователи. Таки явились допрашивать. Но они приносят мою сумку с телефоном внутри, паспортом и остальными документами, чему я несказанно рада. Не придется теперь бегать по государственным инстанциям и восстанавливать документы.

Я рассказываю все, как было: просто шла по тротуару в банк, когда возле меня резко остановилась машина, из которой выбежал клоун с пистолетом. Следователи уходят, а днем за мной в больницу приезжает Игорь. Меня выписывают, и мы едем домой.

Больше мы с Димой не увидимся, вдруг думаю, заходя в квартиру. Он же не знает, где я теперь живу. И я не знаю, где живет Соболев и как его искать. Ну и к лучшему, убеждаю себя. Нам встречаться ни к чему. Да и у самого Димы вполне возможно есть семья. Ну или просто серьезные отношения. Не может быть, чтобы он все эти годы был один без девушки.

— Ложись, отдохни, — Игорь подходит ко мне на кухне и обнимает.

— Я налегала в больнице. Надо что-то на ужин приготовить.

— Ничего не надо готовить, я закажу доставку из ресторана.

Уютно укладываю голову на груди у мужа и прикрываю глаза.

— Сонь, надо все-таки психолога...

— Угу, психологическое здоровье так же важно, как физическое, — произношу с иронией.

— Да. Ты получила очень серьезную психологическую травму. Нельзя пускать ее на самотёк.

Сейчас я даже не знаю, что меня потрясло больше: похищение или воскрешение Димы из мертвых. Пожалуй, все-таки второе.

Горло перехватывает от неожиданной мысли, посетившей меня сейчас: я должна рассказать Игорю о том, что Дима жив? Мой муж знает обо мне абсолютно все. Игорю известно, кто настоящий отец Владика и почему я не смогла с ним быть, знает, что нас разлучили мои родители, знает, что Дима «умер».

Так должна ли я теперь сказать мужу, что Соболев жив, и я с ним встретилась?

Из оцепенения меня выводят легкие прикосновения губ Игоря к моей шее. Я отрываюсь от его груди и тянусь за поцелуем. Хочется поскорее выбросить Соболева из головы. Хватит уже о нем думать. В последние несколько лет он стал для меня лишь приятным воспоминанием, так почему теперь это должно измениться?

Нет, я не буду говорить Игорю про Диму. Зачем? Воскрешение Соболева из мертвых ничего не изменит между мной и мужем. Я не буду разводиться с Игорем ради Димы.

Муж прерывает поцелуй и гладит меня по щеке.

— Поеду в садик за Владиком. Ничего не готовь, я на обратном пути заеду в ресторан.

Послушно киваю. Через пятнадцать минут Игорь уезжает, а я остаюсь ждать.

Мне пишет Ульяна, моя школьная подруга. Навестить меня в больнице она не смогла, поэтому придёт завтра вечером к нам в гости. Уля единственная, с кем я общаюсь со школы. Она же вместе с Игорем крестила Владика. Так что мой муж Владiku пусть и не родной отец, но крестный.

С одноклассниками Вовой и Сережей мы потерялись. Из социальных сетей знаю, что Вова женился, а Сергей переехал жить в Канаду. Никита Свиридов сделал успешную карьеру футболиста и играет сейчас за один из топовых немецких клубов. Также он входит в состав сборной России по футболу.

Лиля... При мысли о лучшей подруге больно щемит в груди. Пять лет назад с ней случилась трагедия, после которой она закрылась и почти перестала с кем-либо общаться. Мои и Улины попытки помочь, быть рядом и поддерживать после случившегося Лиля категорически отвергла. Она сухо отвечает на наши сообщения, если мы ей пишем, но почти никогда не пишет сама. Несколько раз нам с Ульяной удавалось вытащить Лилю на прогулку, но она почти не разговаривала.

Мне хочется прийти к Никите и вклеить ему за Лилю пощёчину. В то время, как он блистает на футбольном поле, Лиля мучается. И вина Свиридова в этом есть.

От переписки с Ульяной меня отрывает возвращение Игоря и Владика.

— Мааааааа! — бежит мне навстречу сын.

Подхватываю ребенка на руки и прижимаю к груди.

— Мама, ты выздоровела?

— Да, — целую его щечки.

— Мама, а я буду на утреннике Гарри Поттером.

— Ого! Это что у вас за утренник такой будет? — ставлю Владика на пол и снимаю с него обувь.

— Да, воспитательница сказала, что нам надо купить ему костюм Гарри Поттера, — говорит Игорь.

— Мантию и шарфик Гриффиндора?

— Понятия не имею, — разводит руками муж. — В этом садике, как придумают иногда...

Ох, что правда, то правда. На предыдущем утреннике Владик был Незнайкой на Луне. Где-то надо было достать для него синюю шляпу. Я облазила весь интернет и обошла все магазины костюмов, но шляпы Незнайки нигде не было. Пришлось шить на заказ.

Мы ужинаем втроём под рассказы Владика о садике. Вечер с семьей помогает отвлечься от мыслей о Соболеве. Вообще, хочется уже перестать о нем думать. Но, наверное, нужно время, чтобы я привыкла к тому, что он жив.

Интересно, чем Дима сейчас занят? Вот в данную минуту. Я слушаю, как наш с ним сын выучил новые буквы в алфавите. Владик берет из корзинки на кухонном столе упаковку вафель и зачитывает нам с Игорем:

«Ва-ф-ли ва-ни-ль-ны-е».

А Соболев чем занят? Еще на работе? Чем вообще занимаются бойцы спецназа, когда им не нужно никого спасать? Или дома смотрит телевизор? Или в ресторане с девушкой? А может, у него и вовсе семья? Жена, дети...

От этой мысли вдруг становится неприятно. Мозг рисует картину счастливого Димы в обнимку с красивой девушкой. Он с ней так же нежен и заботлив, как был со мной? Он любит ее так же сильно, как любил меня?

— Мам, ты слышишь? — Владик трясёт меня за плечо, и это помогает мне прийти в чувство.

— Что, сынок?

— Я уже умею читать, писать и считать! — гордо произносит.

— Молодец, — тянусь и целую его в макушку.

— Это значит, что я уже могу печатать на компьютере.

Я аж подпрыгиваю на стуле от такого заявления и перевожу взгляд на Игоря. Муж спокоен. По правде говоря, это я не позволяю покупать Владику компьютер, Игорь бы уже давно купил.

— Ну вот зачем тебе компьютер? — начинаю злиться.

— Мам, ну я хочу! Раньше ты говорила, что не купишь мне его, потому что я не умею читать и считать. Но я уже умею!

— Тебе еще рано, — отрезаю.

— Мне уже шесть лет!

— Это мало. Вот будет шестнадцать, тогда куплю.

Глаза Владика округляются в ужасе.

— Владик, мама шутит, — спешит успокоить ребенка Игорь. — Мы купим тебе компьютер, когда ты пойдёшь в школу.

— Правда!?

— Да.

Внутри вспыхивает возмущение, и я стреляю злым взглядом в мужа. Но Игорь делает вид, что не замечает его.

Я не то что бы против компьютера для Владика, просто...

Опять в голову лезет Соболев. Я злюсь еще больше: на себя, на него... Мы с ним больше не увидимся? Меня выписали из больницы и на этом все? Он же не знает, где я живу, не знает мой номер.

Да и хорошо, что не знает. Зачем нам видаться? Ни к чему это.

Но все же, вот так все закончится? Один раз встретились и все? Мы даже толком не поговорили...

— Соня, успокойся, — руки мужа аккуратно опускаются мне на плечи, когда я мою посуду.

— Я спокойна.

— Ты швыряешь тарелки.

Делаю глубокий вдох и медленный выдох.

— Зачем ты пообещал Владику компьютер? — спрашиваю с претензией.

— А почему ты так сильно против компьютера для ребенка?

— Потому что ему еще рано. Он с утра до вечера будет играть в игры, а ему надо учиться.

— Мы будем это контролировать. У всех детей есть компьютер, но это не мешает им хорошо учиться.

— Мешает!

— Соня, Владик и сейчас с утра до вечера играет в игры. Вот прямо в данный момент он сидит в своей комнате и собирает Лего, а не книги читает. Давай отберём у него Лего, потому

что оно мешает ему учиться? И машинки отберём, и роботов, и железную дорогу. Все эти игрушки мешают Владику учиться.

В глубине души я понимаю, что муж прав. Просто компьютер — это что-то такое от Димы... А Владик и так слишком на него похож. Неужели и мозги у сына технические, как у Соболева, а не гуманитарные, как у меня?

— Да... Ты прав... — тихо отвечаю.

Игорь забирает у меня из рук недомытую тарелку и сам становится к раковине, а я ухожу в спальню и ложусь отдыхать. Сегодня я засыпаю раньше, чем обычно.

Следующим утром традиционно поднимаю мужа и сына, готовлю им завтрак и делаю все то, что делала в утро похищения и в сотни утр до него. Мне все еще нужно пойти в банк и забрать новую карточку, но я боюсь выходить из дома. Да, Игорь прав, мне нужен психолог, я теперь не смогу спокойно ходить по улице.

Еще и Соболев снова лезет в голову, будь он неладен. Ни с того ни с сего вспоминаю его объятия. И когда я уже довожу сама себя чуть ли не до новой истерики, в дверь раздается звонок.

Я даже не сразу понимаю, что это в мою квартиру. Когда звонок повторяется, я осторожно подхожу к двери и смотрю в глазок.

На лестничной площадке стоит моя мама...

Глава 8.

Открываю дверь и удивленно смотрю на маму.

— Привет, — говорю.

— Привет, — робко отвечает. — Можно?

— Да-да, конечно, проходи, — пропускаю ее внутрь.

Родительница проходит в квартиру, ставит пакет у стены и снимает с себя пальто.

— А ты просто? Или по какому-то делу? Почему не позвонила?

Я все еще удивлена, что мать ни с того ни с сего нагрянула без предупреждения.

— Просто, навестить тебя. Игорь рассказал мне, что произошло. Не позвонила, потому что ты же потеряла телефон.

— Ааа, не, мне следователи вернули мою сумку. Так что телефон снова со мной. Пройди на кухню.

Мама сначала заходит в ванную помыть руки, а я иду ставить чайник. Ну я даже не удивлена, что Игорь за моей спиной позвонил маме и рассказал о случившемся. Впрочем, я и не просила его молчать. Однако мог бы меня все-таки предупредить. Ладно.

— Ты чай будешь или кофе? — спрашиваю, когда родительница проходит на кухню и садится за стол.

— Чай. Как ты себя чувствуешь?

— Все нормально. Отделалась легким испугом. Как Настя?

— Все хорошо, учится. Я не стала рассказывать ей про твоё похищение.

— Да, не надо ее пугать.

— Как Владик?

Ставлю на стол две кружки и бросаю в них пакетики чая.

— Нормально, в садике.

— Я тут ему кое-что купила.

Мама принимается доставать из пакета конфетные наборы и игрушки.

— Спасибо, — сдержанно улыбаюсь и убираю со стола подарки для сына.

С каждой секундой неловкость ситуации становится все ощутимее. Я стараюсь суетиться по кухне, чтобы свести к минимуму это гнетущее ощущение. Ставлю на стол какие-то пирожные из холодильника, хотя знаю, что мама их есть не будет. У нее повышенный сахар. Потом вообще решаю подарки для Владика унести в его комнату и не тороплюсь из нее возвращаться. Но когда чайник начинает предательски свистеть, все же иду обратно. Разливаю по кружкам кипяток и сажусь напротив матери.

Я больше не кричу ей, что ненавижу, но и разговаривать мне с ней особо не о чем. Мы совершенно разные. Нет, я поддерживаю с ней связь, поздравляю ее с праздниками и вижу где-то раз в полгода, но эти встречи всегда очень неловкие. Вот как сейчас. Каждая из нас не знает, куда себя деть и с чего начать разговор.

— Скоро Пасха, — находит мама тему для разговора. — Какие у вас с Игорем планы? Поедете на кладбище к папе?

Киваю.

— Да, поедем. Но еще и на могилу отца Игоря надо будет заехать.

Три года назад не стало моего папы. Рак. Болезнь сожрала его за каких-то полгода. Мама воспитывает Настю одна. Продолжает работать директором все в той же школе, сестра ходит в шестой класс.

Смерть отца изменила нас всех: меня, маму, Настю. Сестра стала замкнутой, она очень любила папу, и его смерть стала для нее страшным потрясением. Мама стала добрее ко всем,

особенно к ученикам в школе. Ну а я приняла для себя решение переступить через все обиды и общаться с матерью.

Перед смертью папа сказал мне, что любовь должна быть важнее принципов и обид. Время лечит, обиды забываются, а люди остаются. Нужно иметь в себе силы прощать. И когда папа умер, я очень-очень постаралась простить маму. Папу я простила еще раньше, когда лежала беременной в больнице, а он искал для меня лучших врачей. Если бы не отец, если бы не его помощь, я бы не выносила ребенка.

А что касается Димы, расставание с ним было моим решением. Родители давили, но решение я приняла самостоятельно.

— Может, ты могла бы привезти ко мне Владика на какие-нибудь выходные? — осторожно просит мама, делая небольшой глоток из кружки.

Пожимаю плечами.

— Не знаю. На какие?

— На любые. Я совсем его не вижу, ты как будто не хочешь, чтобы я с ним общалась, — мамин голос звучит с легкой претензией.

Когда речь заходит о Владике, мне едва удаётся держать себя в руках. Вот и сейчас не выдерживаю:

— Он все больше и больше похож на Диму, — язвлю.

— Я знаю, на кого похож Владик. Но ты зря думаешь, что от тебя ребёнку совсем ничего не досталось. Скулы, носик, подбородок у него твои.

Мама как будто знает, что нужно сказать, чтобы я смягчилась. Я так радуюсь, когда кто-то говорит, что сын похож на меня.

— Только мозги у него, кажется, не гуманитарные, а технические, — бурчу, отпивая из кружки и скрывая довольную улыбку. Ну хоть что-то у Владика от меня.

— У мальчиков всегда преимущественно технический склад ума. Кстати, ты не надумала по поводу учебы?

— Да, буду пересдавать ЕГЭ, — издаю смешок. — Но пойду на заочное.

Я поступила на филологический факультет МГУ, но так и не посетила ни одного занятия. Всю беременность я провела в больницах, потом нужно было смотреть за Владиком. Какая тут может быть учеба? Сын начал ходить в годик, и с тех пор в него будто встроен моторчик. А в три годика у Владика начался кризис трёх лет, и я вообще чуть ли не вешалась. Потом умер папа, и это тоже стало для меня потрясением.

Но сын уже подросток, в сентябре пойдет в школу, и я наконец-то смогу заняться собой. Все-таки хочу получить высшее образование и устроиться на работу хотя бы на полставки.

— Куда хочешь поступить?

— Наверное, на журфак и работать где-нибудь копирайтером.

— В МГУ, насколько я знаю, больше нет заочного отделения на журфаке.

— Какой мне МГУ, мам, — скептически машу рукой. — Скажешь тоже. Мой МГУ остался в прошлом. Пойду в какой-нибудь институт попроще, чтобы совмещать с семьей и работой. Будешь еще чаю? — замечаю, что ее кружка опустела.

Качает головой.

— Нет, спасибо. Мне пора возвращаться в школу. Вырвалась к тебе на часок.

— Ааа, то-то я думаю, почему ты не на работе.

Я поднимаюсь вслед за родительницей, убираю кружки в раковину и иду провожать ее в прихожую. Мама суетливо натягивает обувь и пальто, повязывает шарф. Заканчивает с одеждой и нерешительно смотрит на меня.

Ненавижу этот момент. Потому что мама хочет меня обнять, а я стою и не двигаюсь. Из-за этого она не решается сделать шаг ко мне и просто робко смотрит.

— Спасибо, что навестила, мам, — я делаю над собой усилие и подхожу к ней. Слегка приобнимаю за плечи. — Насте привет.

Мама неуверенно обнимает меня в ответ.

— Вы с Игорем приезжайте к нам. И Владика берите. Нам с Настей очень одиноко вдвоём.

— Да, приедем как-нибудь, — расплывчато отвечаю и отстраняюсь.

Мама еще мнётся на пороге. Я так и не пообещала привезти ей на выходные Владика. Наверное, хочет спросить про это, но не решается.

— Рада была тебя повидать, Соня. Поцелуй за меня Владика.

— Хорошо.

И только когда за матерью закрывается дверь, я облегченно выдыхаю.

Глава 9.

— Сонька! — радостно восклицает Ульяна, переступив порог квартиры, и торопится меня обнять.

— Привет, дорогая, — обнимаю подругу в ответ.

— Уля, привет! — кричит ей Игорь из зала.

— Привет! Так, — Ульяна оглядывает прихожую. — А где мой любимый крестник?

В этот момент дверь комнаты Владика распахивается, и он на всех парах мчит к своей любимой «крёсе», как он называет Улю.

— Опа! — Ульянка подхватывает Владика на руки и смачно целует в щеку. — Ну привет, Супермен!

— Привет, крёся. Тебя давно не было.

— Ага. Ты так вымахал с нашей последней встречи! И потяжелел.

Уля, кряхтя, ставит Владика на пол.

— А что ты мне купила? — хитро интересуется сын, поглядывая на Улин пакет у двери.

— Вот так вот сразу, да? — смеется. — Так, ну давай закрывай глаза.

Владик послушно опускает веки. Уля достаёт из пакета машинку и самолёт, прячет их за спиной и опускается перед Владиком на корточки.

— Открывай.

— Владик тут же распахивает.

— Правая или левая?

Лицо сына принимает такое выражение, будто ему предстоит решить задачу по математике.

— Ммм, пускай правая.

— Хоба! — Ульяна протягивает из-за спины самолёт.

— Ого!!! Я видел его в детском мире!

— И еще раз хоба! — теперь Уля даёт машинку.

— Ух ты! Mam, смотри, что мне крёся подарила! — хвалится, демонстрируя игрушки.

— Что надо сказать крёсе?

— Спасииибо! — и тянется поцеловать Ульяну в щеку.

Получив новые игрушки, Владик теряет интерес ко всему остальному и убегает в свою комнату доставать подарки из коробок. Мы с Ульяной проходим на кухню, где я уже накрыла стол к ее приходу: напитки и легкие закуски. Игорь к нам не присоединится. Вот за что я очень благодарна своему мужу, так это за то, что он никогда не сидит третьим лишним со мной и подругой, давая нам возможность говорить по душам.

— Хотя и вечер, а я ужасно хочу кофе, — Уля устало плюхается на стул. — Как ты, Сонь? Пришла в себя?

Прикрыв дверь на кухню, принимаюсь варить кофе. Отвечать на вопрос подруги не спешу. Меня потрясло не похищение, а совсем другое событие.

— Да... нормально... — произношу через некоторое время.

— Точно? — подозрительно прищуривается.

— Угу.

Пока кофе не закипает, я стою спиной к Ульяне. Перед глазами снова Соболев: живой, невредимый, возмужавший. При каждой мысли о нем сердце больно сжимается. Прогнать бы Диму из головы, а никак не получается. Засел там навязчиво.

Меня приводит в чувство быстро поднимающаяся пена кофе. Успеваю снять турку с плиты в последнюю секунду. Наливаю в кружку и ставлю перед Ульяной. Сажусь за стол напротив.

— Может, тебе сразу пойти к специалистам, чтобы не было, как с Лилей? — осторожно предлагает.

— Да, Игорь уже нашел мне психолога.

Я все-таки пойду к мозгоправу. Муж настаивает. Правда, без понятия, о чем рассказывать психологу: о похищении или о воскрешении отца моего ребенка.

— Не затягивай с этим. Дело серьезное, вот так попасть в руки к преступникам... Ужас, в голове не укладывается. Ты просто шла по улице, и они тебя похитили?

— Да.

— Кошмар! Страшно теперь по улицам ходить. Средь бела дня!

Подруга еще продолжает сокрушаться, а у меня вырывается само собой:

— Уль, Дима жив.

Глава 10.

— Что? — не понимает моих слов подруга и делает небольшой глоток кофе.

— Дима жив.

— Какой Дима?

— Соболев, — теряю терпение. — Дима Соболев жив.

Я произношу это в момент, когда Ульяна делает новый глоток, поэтому она сначала давится, а затем и вовсе проливает обжигающий напиток на себя.

— Тебе постучать? — подсказываю к ней и принимаюсь бить по спине.

Ульяна заходится таким сильным кашлем, что аж краснеет. Кое-как откашлявшись, подруга несколько раз глубоко вдыхает.

— Господи, — сипит и снова кашляет, но уже меньше. — Я не поняла тебя. В смысле Соболев жив?

— В прямом, Уля. Дима не умирал. Меня обманула его сестра. Все эти годы он был жив. Ульяна пялится на меня, не веря.

— Дима Соболев не умер, — повторяю снова. — Меня обманули. Уля, ты слышишь меня? Он жив. Жив!

Я чувствую, как к глазам подкатывают слезы. Семь лет я ставила ему в церкви свечки за упокой, а он, оказывается, был жив и здоров. А не звонил, потому что мы же расстались.

«А надо было?», всплывают в памяти его слова, сказанные в больнице.

Действительно, а надо ли было мне звонить, когда я боролась за жизнь нашего ребенка? А надо ли было мне звонить, когда я родила Владика и впервые взяла его на руки? А надо ли было мне звонить, когда у ребенка резались зубки, болел животик?

— Что...? Но... Эээ... Как? — Ульяна растеряна.

— Меня обманула его сестра, Уля. Обманула.

— Обманула, что он умер!?

Меня начинает раздражать, что до Ули туго доходит, но я тут же вспоминаю, как сама не могла поверить, что Соболев жив. Да и сейчас я все еще не свыклась с этой мыслью. Нет-нет, да и обомлею, вспомнив встречи в больнице.

— Да, обманула. Дима жив. Его никто не убивал. С ним все в порядке. Жив, понимаешь, Уля!? — голос надламывается, потому что слезы все-таки выступают.

— О Господи... — выдыхает подруга. Ее глаза расширились в два раза и чуть ли не вылезают из орбит.

— Я семь лет жила с мыслью, что он умер. А он жив!

— А как ты об этом узнала?

— Соболев работает в спецназе и был в группе, которая меня спасала. Когда он пришел ко мне в больницу первый раз, я подумала, что мне снится сон. Представляешь, просыпаюсь, а рядом с кроватью он сидит. Что я должна была подумать? Конечно, подумала, что это сон. А потом стала догадываться, что это был не сон. Охранник на проходной сказал, что меня навещал Дмитрий Соболев, даже показал записи с камер. Уля, я от шока сознание потеряла. А потом он снова пришел меня навестить, и мы немного поговорили.

У Ули в прямом смысле слова открывается рот.

— Обалдеть.

По щекам побежали слезы, и я тороплюсь их смахнуть, пока на кухню не зашел Игорь или Владик.

— И что он тебе сказал?

— Удивился, что я думала, будто он мертв. Сказал, что не знал, что его сестра мне так сказала.

— А почему она так тебе сказала?

— Понятия не имею.

— А еще о чем говорили? Ты рассказала ему про Владика?

— Нет, конечно. Во-первых, у Владика уже есть отец. Во-вторых, я не знаю, каким человеком стал Соболев и чего от него ждать. У меня есть подозрение, что он не самый хороший человек сейчас.

Я не знаю, кем именно Дима работает в спецназе. Они там все были в черных масках, никого не распознать. Но в моей памяти четко засел один из них, а именно снайпер на крыше. И то, как этот снайпер на меня смотрел, когда пустил пулю в голову клоуна.

Если Дима снайпер... Если Дима убивает людей... Я не знаю, что от него ждать и каким человеком он стал. Я помню его самым лучшим и самым хорошим парнем, но, очевидно, от Димы Соболева из моих воспоминаний не осталось и следа. Теперь это совершенно другой человек.

— Почему ты так говоришь? Соболев что-то плохое тебе сделал?

— Нет. Просто он работает в спецназе. Они там все с автоматами. Ну и, наверное, им приходится из этих автоматов стрелять.

Свои догадки про снайпера решаю пока подруге не озвучивать.

— Не, ну они же людей спасают. Вот тебя спасли. А так бы тебя преступник убил. Но спецназ тебя спас, сделал хорошее дело, даже если для этого им пришлось убить похитителя.

Неопределенно пожимаю плечами.

— Так, а еще что он говорил? Где его носило столько лет?

Ульяна уже забыла и про кофе, и про закуски, и даже не смотрит на пятно на новом платье от пролитого напитка.

— Сказал, что у него все хорошо. Жил и работал, как все люди, — произношу не без толики яда.

Уля несколько секунд молчит.

— Кхм, а почему ни разу не позвонил?

— Я задала этот вопрос. Он сказал, что мы же расстались, зачем звонить.

Подруга сначала порывается что-то сказать, но захлопывает рот. На ее лице все еще читаются шок и растерянность. Уля больше ничего не спрашивает, видимо, переваривает информацию.

— Охренеть не встать, — наконец, выдает и снова замолкает.

Глава 11.

Дима Соболев

Я беру со стола подарок в красивой упаковке и выхожу из дома. Сажусь в машину и еду в Москву. По дороге останавливаюсь у цветочного магазина и покупаю охапку алых роз. Добраться до ресторана вовремя мне мешают пробки на дорогах. Но сейчас они меня не раздражают. Я снова погружаюсь в мысли о Соне.

Невозможно поверить, что я ее встретил при таких обстоятельствах. Лежал на крыше амбара и смотрел на Соню в прицел снайперской винтовки. Я уже давно вроде как научился жить без Сони, и тут в прицеле ОНА.

Думал, мои собственные глаза меня обманывают. Какова вероятность, что мы могли вот так случайно встретиться? Я на задании с винтовкой, а она в качестве жертвы на мушке похитителя.

Принял решение за считанные секунды. Клоун нужен был живым, но я нажал на курок. Запорол задание, получил по башке от начальства, но, черт, я не мог допустить, чтобы Соня погибла. Именно в то самое мгновение, смотря на Белоснежку в прицел, я ощутил ровно то, что ощущал тогда, давно, когда мы были вместе: Соня важнее и превыше всего. Сначала она, потом остальное.

И с того момента все, меня накрыло. Думаю о ней постоянно, прокручиваю в голове встречи в больнице. Я не собирался когда-нибудь искать Соню или звонить ей, хотя до сих пор помню ее номер телефона наизусть. Желание набрать ее цифры за семь лет возникло только один раз: когда я узнал, что умер ее отец. Мне сказал об этом Антон. Позвонил и хохотнул в трубку:

— Угадай, кто сдох!

— Коршун? — спросил первое, что пришло на ум.

— Нет. Продажный судья Рузманов. Так ему и надо.

И вот тогда я захотел оказаться рядом с Соней, потому что понимал: для нее смерть отца — большая трагедия. Хотел позвонить, приехать, просто побыть рядом, как друг, как знакомый... Не важно, как кто. Просто быть в ту минуту рядом с ней.

Но в итоге все-таки не позвонил и не приехал. А потом снова запретил себе думать о Соне, как запрещал все годы до этого. Я вырвал ее из сердца с мясом. Похоронил воспоминания где-то глубоко-глубоко и никогда эти воспоминания не доставал.

Люди должны уметь принимать решения. Соня свое решение приняла, а после и я принял свое. Вычеркнул ее из жизни, из памяти. Не передать словами, как это было больно и трудно. На стенку лезть хотелось, сдохнуть хотелось. Не хотелось открывать глаза по утрам, зная, что в моем сегодняшнем дне не будет Сони. Но время вроде как лечит. Ну и еще армия лечит. Два года в Сирии тоже оказались хорошей терапией.

И сейчас мне уже вроде как нет никакого дела до Сони, но, сука, почему меня так задевает тот факт, что у нее семья, муж и ребенок?? Понятно ведь, что жизнь идет, и однажды она бы за кого-нибудь вышла.

Скорее всего, это потому что Соня отказалась выходить за меня. Моей женой не захотела стать, а чьей-то другой захотела.

Нет, я не люблю ее и не ревную. Просто обидно.

Просто, сука, до помутнения в глазах обидно.

Хотя я вроде уже не мальчик-подросток, чтобы обижаться. Даже не помню, когда я вообще последний раз на кого-то обижался. Но вот тут ничего не могу с собой поделать, это сильнее меня. Как подумаю, что у Сони муж и ребенок, так сразу кровь в венах закипает.

А еще меня кроет от того, что Соня, оказывается, почти семь лет думала, что я мертв. Этот вопрос я уже где-то через минут двадцать задам Олесе. У нее сегодня день рождения. Мне надо изо всех сил постараться не испортить сводной сестре праздник. Но война в Сирии изрядно пошатала мне нервы. Я не псих, иначе бы меня больше никогда не подпустили к винтовке, но... Иногда сложно держать эмоции при себе.

Как это ни странно, а с Олесей я до сих пор общаюсь. Ее отец умер, упившись до беспмятства, мою мать убил кто-то из собутыльников, и, казалось бы, нас больше ничего не связывает. Но когда все это произошло, Олеся была в одиннадцатом классе, и ей негде было жить. Я тогда воевал в Сирии и разрешил Олесе остаться в нашей квартире. Все равно она мне не нужна. Сводная сестра со временем привела жилье в божеский вид, а потом то ли со второго, то ли с третьего раза поступила в театральный и стала получать второстепенные роли в телевизионных сериалах.

Сейчас и Олеся не живет в той квартире. У нее своя в элитной высотке. У меня дом в Подмоскowie, так что квартира в пятиэтажке стоит закрытой. Надо бы ее уже продать, но в ней еще прописан Антон. А с братом у меня сложные отношения. После того, как судья Рузманова дал Антону условный срок, он не успокоился и продолжил вляпываться в разного рода истории. Я очень редко с ним общаюсь. Даже с Олесей вижусь чаще, чем с Антоном.

Сводная сестра, кажется, еще учится, но для актеров образование необязательно. Олеся активно снимается, неплохо зарабатывает, отлично выглядит и даже счастлива в личной жизни. Живет с каким-то режиссером. У них разница в возрасте где-то 20 лет, но кому какое дело, если люди счастливы?

Я паркую автомобиль у ресторана, беру подарок с цветами и захожу внутрь. Зал уже полон гостей. Это все актеры, режиссеры, сценаристы и прочая киногогема. Кого-то из них я зрительно помню. Они были на прошлом дне рождения Олеси.

— Ну наконец-то! — сводная сестра устремляется ко мне.

Выглядит Олеся шикарно. Длинное красное платье с разрезом до бедра, роскошные рыжие волосы ниспадают волнами до талии.

— Привет, Дим! — обнимает меня за шею.

— С днем рождения, — целую в щеку. — Это тебе, — протягиваю подарок и букет.

— Спасибо большое, — Олеся заглядывает мне за спину. — Ты один?

— Ну да. А что?

— И когда ты уже познакомишь меня со своей девушкой? — игриво толкает кулачком в плечо.

— У меня нет девушки, которую можно было бы познакомить с сестрой, — отшучиваюсь.

— Ой, ну конечно! Никогда не поверю, что ты ни с кем не встречаешься!

— Я же сказал: у меня нет девушки, с которой можно прийти на день рождения к сестре. Олеся закатывает глаза, берет меня под руку и разворачивает к гостям.

— Ребят, познакомьтесь. Это мой старший брат Дима.

Глава 12.

Дима Соболев

Присутствующие приветствуют меня, к нам с Олесей подходит ее... эм, пускай будет парень. Мне всегда сложно охарактеризовать Павла. Ему сорок лет, и они с Олесей просто живут вместе. Слово «сожитель» мне не нравится, а «парень» или «молодой человек» сорока-летнему лысеющему мужику вроде как не очень подходят.

— Привет, — протягивает мне руку.

Я с удовольствием жму ее. В целом, Павел нормальный. Ну и я рад, что у Олеси наконец-то прошла детская влюбленность в меня.

— Ну, все в сборе, давайте за стол! — радуется сводная сестра.

Я сажусь на свободный стул, и тут же рядом со мной опускается брюнетка. Через несколько секунд я узнаю ее: мы ушли вместе с предыдущего дня рождения Олеси. Кажется, она тоже актриса.

— У нас с тобой только одно место встречи, — произносит с иронией.

— Место встречи изменить нельзя, — цитирую название фильма. — Я рад тебя видеть. Карина, верно?

— Мне приятно, что ты помнишь мое имя.

А еще я помню, что Карина хороша в постели. Судя по ее заинтересованному взгляду, блуждающему по мне, она не против снова уйти со мной с этого праздника жизни. Девушка за год не изменилась. Темное каре по плечи, тонкая фигура, как у балерины, длинный стройные ноги. А вот грудь стала значительно больше.

— Я решилась на пластику, — ловит мой взгляд на своих сиськах. — Теперь у меня третий размер.

— Люблю третий размер.

Карина издаёт смешок и закидывает ногу на ногу. И без того короткое платье задирается, оголяя мне больший участок. В джинсах становится тесновато раньше времени, и я заставляю себя поднять взгляд с ее прекрасной фигуры на карие глаза.

— Что будешь пить?

— Сок. У меня через несколько дней важное прослушивание, нужно следить за питанием.

Наливаю ей в стакан апельсиновый.

— Как дела в киноиндустрии?

— Хорошо! Меня утвердили на роль в одном фильме, скоро будут прослушивания для другого. Очень нервничаю.

— Я уверен, ты справишься.

— Да брось, — смущенно отмахивается. — Мне иногда кажется, что я бездарность.

— Ну что ты, Карина, ты очень талантливая актриса.

Я продолжаю флиртовать с Мариной, и, кажется, она не против уйти отсюда вместе прямо сейчас, но мне сначала надо поговорить с Олесей. Где-то через час с начала застолья сводная сестра встает с места и выходит с парой друзей на улицу. Велев Карине ждать меня, направляюсь вслед за Олесей.

Сводная сестра стоит за компанию с курящими друзьями. Я присоединяюсь к ним и поддерживаю ничего не значащий треп. Вопросы уже пчелиным роем жужжат в голове. Я и так слишком долго ждал после встречи с Соней. Наверное, надо было сразу поехать к Олесе, а не дотягивать до ее дня рождения.

Наконец-то курящая компания выбрасывает бычки и разворачивается обратно к ресторану. Я перехватываю Олесю за руку.

— Подожди минуту, надо поговорить.

— Да, конечно, — сводная сестра лучезарно улыбается, щеки слегка покраснели от выпитого.

— Олесь, у меня к тебе несколько вопросов. Отвечай, пожалуйста, честно.

— Что-то случилось?

— Дело в том, что я недавно кое-кого встретил...

— Кого?

— Помнишь, в мажорской школе я встречался с одноклассницей? Ее звали Соня, она была дочкой директрисы.

Олеся напрягается на глазах. Улыбка все еще припечатана к ее лицу, но сейчас она не естественная.

— Ну так... Смутно... — и издает нервный смешок. — А что?

— Ты сказала ей, что я умер?

Я внимательно слежу за реакцией Олеси. Вероятность того, что она сейчас начнет играть кино, почти стопроцентная. И мне нужно суметь распознать ее ложь.

На самом деле я всегда умел различать, когда Олеся говорит правду, а когда играет роль. Тогда, в мажорской школе, Олеся украла у одноклассницы телефон. Мать Сони вызвала меня и начала прессовать. Олеся не признавалась ни в какую. А мне хватило одного взгляда на сводную сестру, чтобы понять: она лжет.

Дома я хорошенько надавил на Олеся. Гораздо сильнее, чем ее прессовала даже Сонина мать. Олеся со слезами отдала мне айфон, я его продал, доложил свои деньги и вернул родителям пострадавшей девочки компенсацию.

Никогда в жизни мне не было так стыдно, как тогда перед Соней. Я понимал, что эта история дойдет до ее ушей, мать наверняка расскажет, и очень боялся, что Белоснежка решит расстаться со мной из-за воровства Олеси. Но Соня ничего мне не сказала. То ли так и не узнала о той истории, то ли просто не стала говорить.

— Эм... Что, прости? — Олеся включилась в роль.

— Олесь, я сейчас не настроен смотреть спектакль. И я правда не хочу портить тебе день рождения, — говорю спокойно, а сам чувствую, как в груди закручивается узел ярости. — Какого хрена ты сказала Соне, что я умер!?

Олеся, пойманная на лжи, делает вдох, открывает рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, не находит слов. Молчание затягивается.

— Олесь, не заставляй меня злиться, — мне уже с трудом удается выдерживать спокойный тон. — Я правда очень не хочу портить тебе день рождения.

— Ты тогда ушел в армию...

И замолкает.

— Твою мать, Олеся! — все-таки взрываюсь и перехожу на крик. Сводная сестра испуганно сжимается, вылупив глаза. — Хватит выделяться! Или ты мне все сейчас сама рассказываешь, или я за себя не отвечаю!

Злость закипает в венах и разливается по всему телу. Ладони автоматически сжимаются в кулаки, челюсть смыкается до боли в зубах. Олеся знает, каким я могу быть в ярости, поэтому пугается еще больше.

— Она тебя недостойна, ясно!? — взрывается криком. — Избалованная мажорка, вообще ничем не примечательная, ни кожи ни рожи. Что ты вообще в ней нашел!?

— А это не твое дело, — я хватаю Олеся за предплечья и встряхиваю. — Я повторяю свой вопрос: ты сказала Соне, что я умер?

— Да! Ты мне тогда звонил, сказал, что после присяги тебя определили в снайперы. Ну я испугалась за тебя, разыгралась фантазия...

— Ты в своем уме, вообще??? — еще раз хорошенько встряхиваю Олесю. — Ты хоть понимаешь, что ты натворила!? — перехожу на крик. — Она все эти годы думала, что я мертв!

— Что мешало тебе поговорить с ней раньше? — язвит. — Ах да, она не была тебе нужна. Так с чего вдруг ты сейчас переживаешь за ее чувства? Знаешь, этой мажорке полезно было встряхнуться. Ай, мне больно, отпусти!

Уже теряя над собой контроль, я сдавливаю плечи Олеси, рискуя сломать ей руки.

— Мне больно!!! — верещит. — Пусти!!!

Резко выпускаю Олесю из рук, и она чуть не теряет равновесие на высоких шпильках.

— У меня синяки теперь останутся!

— Это все, что тебя сейчас волнует?

— Да!

— Ты правда не понимаешь, что ты натворила? Ты правда не понимаешь, что Соня считала меня мертвым?

— А что такого я сделала? Я о тебе заботилась, между прочим! Тебя тогда, как подменили! Ты с цепи сорвался, а потом в армию ушел. Судя по тому, что не забрал с собой вашу совместную фотографию в рамке, вы расстались, и все это происходило с тобой из-за нее. И знаешь, мне ее не жалко! Так этой мажорке и надо. И да, я считаю, что она тебя недостойна.

— А кто меня достоин?

— Кто-то получше и поинтереснее, чем она.

— Например, ты?

Олеся вспыхивает, как спичка, и заливается густой краской. Сводная сестра никогда не признавалась мне в своей подростковой влюбленности напрямую, а сам я предпочитал делать вид, что ничего не замечаю.

— Может быть, и я, — гордо вздергивает подбородок. — Расслабься, — добавляет с легким смехом через несколько секунд. — Больше я в тебя не влюблена. Но я по-прежнему считаю, что та Соня и мизинца твоего не стоит. Никогда не понимала, что ты нашел в этой амебе.

— Еще одно слово про Соню, и я не посмотрю на то, что ты девушка и у тебя день рождения, — зловеще предупреждаю.

— А сейчас-то тебе какая разница? Столько лет прошло. Вы давно не вместе.

— Я запрещаю тебе говорить о ней в таком тоне.

— Пф, да пожалуйста. С удовольствием не буду говорить о ней вообще.

На этих словах Олеся разворачивается на шпильках и чуть ли не бежит обратно в ресторан.

Я еще какое-то время остаюсь стоять на улице. Тело потряхивает мелкой дрожью. Я, конечно, всегда знал, что Олеся способна на подлость, но чтобы настолько... У меня даже в голове это не укладывается.

Соня искала меня после расставания, а Олеся сказала ей, что меня убили.

Такое даже в страшном сне вообразить сложно. Сколько лет прошло? В июне будет семь, как мы расстались. Олеся обмолвилась, что общалась с Соней после моей присяги. Значит, это было где-то в августе.

Все эти годы Соня жила с мыслью, что меня нет.

Вышла замуж.

Родила ребенка.

И все это, думая, что я мертв.

«Я семь лет ставила тебе в церкви свечи за упокой», так Соня мне крикнула в больнице.

— Все хорошо? — неожиданный голос рядом заставляет меня встрепенуться.

Карина смущенно переминается с ноги на ногу.

— Ты долго не возвращался в ресторан, я подумала, может, что-то случилось...

— Все нормально, — отвечаю задумчиво и еще раз окидываю девушку взглядом. — Я уже уезжаю. Хочешь со мной?

Карина кокетливо закусывает нижнюю губу.

— Хочу.

Я даже не возвращаюсь в ресторан, чтобы попрощаться с Олесей. Достаю ключи от машины и снимаю ее с сигнализации. У Карины сумочка тоже с собой, поэтому она сразу залезает в салон.

Но несмотря на девушку с соблазнительными формами в соседнем кресле от меня, я не могу думать ни о чем, кроме Сони. Все, о чем я запрещал себе вспоминать, вырвалось наружу. Как самый первый раз увидел ее. Как первый раз поцеловал. Как делали презентацию в библиотеке. Как пошли на первое свидание. Как признавались друг другу в любви.

А еще Питер. Как растворялись там друг в друге, подолгу не вылезая из постели. Как целовал каждый сантиметр ее кожи, как засыпали в обнимку...

Все-все вспоминаю, о чем почти семь лет запрещал себе думать.

— Ты не мог бы, пожалуйста, вести потише? — голос Карины снова вырывает меня из мыслей.

Опомнившись, вдруг осознаю, что выжимаю педаль газа на полную. Мы мчимся по Варшавке в сторону области. Должно быть, я надолго завис в мыслях, раз мы на выезде из Москвы.

— Да... прости.

— Тебе так не терпится добраться до кровати? — Карина игриво хихикает.

— Очень не терпится.

Как только мы выезжаем из Москвы, я сворачиваю в первый попавшийся поворот, увожу машину подальше от главной дороги и останавливаюсь на пустыре между деревьями.

— Зачем ждать дома? — отстегиваю ремень.

Карина делает то же самое. Через мгновение я притягиваю ее к себе для поцелуя, параллельно сминая силиконовую грудь.

— Нравится? — спрашивает мне в губы. — Я без лифчика.

В джинсах тут же становится тесно.

— Нравится.

Отодвигаю назад сиденье, запускаю ладонь в волосы Карины и склоняю ее голову к паху. Несколько секунд она возится с ремнем, а затем я прикрываю глаза от наслаждения.

Глава 13.

Известие о том, что Дима жив, безусловно, перетряхнуло мою жизнь похлеще похищения клоунами. Я вдруг на все стала смотреть иначе. Во-первых, просто радоваться каждому дню. Вот мы обычно не задумываемся, а ведь это невероятное счастье — просыпаться каждое утро и просто жить: готовить родным людям завтрак, целовать ребенка и вдыхать его детский запах, ждать вечером встречи с семьей.

Во-вторых, злость и обида на Диму за то, что не искал меня, улеглись, и я стала просто радоваться тому, что он жив, и у него все хорошо. Ведь это же прекрасно. Вот уж кто-кто, а Дима Соболев никогда не заслуживал смерти.

События, произошедшие со мной так стремительно, в корне изменили мое мироощущение. Мне вдруг стало совестно, что я мало общаюсь с мамой и сестрой, что Владик их плохо знает. Поэтому в ближайшую субботу, когда у Игоря очередные роды, я беру сына и еду к маме. Приезжать в родительскую квартиру всегда больно, ведь здесь все напоминает о папе и о моих счастливых школьных днях.

— Привет, — Настя открывает дверь и удивленно смотрит на нас с Владиком.

— Привет, — улыбаюсь. — А мы к вам в гости.

— Ой, проходите, — пропускает нас в квартиру. — Мам, это Соня с Владиком!

Ошарашенная мама выглядывает из спальни. На ней строгая юбка и белоснежная блузка, что говорит о том, что она только что вернулась из школы и еще не успела переодеться. Когда я вот так бросаю сходу взгляды на маму, внешнее сходство с ней становится мне все более очевидным. У нас обеих белоснежная кожа и от природы светлые волосы.

— Здравствуйте, а почему без предупреждения? — мама спешит обнять меня, затем опускается перед Владиком и прижимает его к себе. — Я бы к вашему приходу что-нибудь приготовила.

— Ой, да не надо ничего. Мы просто посидим. У Игоря рождает жена какого-то известного репера. Он долго будет с ней возиться.

— У папы сегодня снова день рождения, — смеется Владик.

— Да уж, у нашего папы почти каждый день дни рождения.

Произношу «у нашего папы», и самой как-то не по себе становится. Тут же в голове возникает Дима: повзрослевший, возмужавший, сильный... Быстро отворачиваюсь к шкафу, пока никто не заметил моего замешательства. Снимаю куртку, вешаю на вешалку. Мои действия механические, перед глазами до сих пор лицо Димы, а внутри все кричит: «Отец моего сына — Дима! Дима! Дима!».

— Идем мыть ручки, — мама ведет ребенка в ванную.

— Я рада тебя видеть, — ко мне подходит Настя и обнимает за пояс.

Поворачиваюсь к сестре и крепко обнимаю в ответ.

— Как ты?

— Нормально, учусь. Ты совсем не приезжаешь и не звонишь, — произносит с упреком. — Мы с мамой иногда думаем, что больше не нужны тебе.

В горле моментально образовывается ком, и я сильнее сжимаю сестру в руках. Насте тринадцать лет, у нее переходный возраст, и я понимаю, что именно сейчас ей, как никогда, важно чувствовать себя нужной и любимой близкими людьми.

— Это не так, вы очень мне нужны. Простите, что редко приезжаю.

Целую сестру в макушку и глажу по длинным распущенным волосам.

— Все-таки надо было мне вчера не полениться и испечь пирог, — сетует мама, выходя с Владиком из ванной.

— Да не суетись, мам. Или, если хотите, можем сейчас вместе испечь?

— О, давайте! — с энтузиазмом восклицает Настя.

Мы перемещаемся на кухню, где принимаемся втроем делать яблочный пирог. Уже через пять минут Владика становится с нами скучно, и он уходит в зал смотреть мультики. А мы с мамой и Настей так включаемся в процесс, что даже не замечаем, как пролетает время.

В груди разливается то самое приятное тепло, которое я испытывала, когда в мои школьные годы мы с мамой что-нибудь готовили вместе, а маленькая Настя сидела с нами и щебетала о садике. А потом возвращался с работы папа, и мы с сестрой бежали в прихожую его встречать. То были времена, когда я еще не знала Дмитрия Соболева, и в моих отношениях с родителями все было хорошо.

Так хочется, чтобы Настя помнила папу. Ей было десять лет, когда он умер. Вроде возраст уже более-менее сознательный, но чем дальше будет идти жизнь, тем сильнее из Настиной памяти будет стираться папино лицо. Даже я иногда ловлю себя на мысли, что не могу сходу воссоздать его лицо. Требуется несколько секунд, чтобы вспомнить все черты.

Пирог получается очень ароматным: с ванилью и корицей. Даже Владик с удовольствием съедает два кусочка, сидя у мамы на коленях. Она так с ним возится и чуть ли не с ложечки кормит. На самом деле эта картина режет глаз. То, как мама любит внука... Иногда это не укладывается в голове. Ведь мама прекрасно знает, кто настоящий отец Владика.

Но насколько сильно мама терпеть не могла Дмитрия Соболева, настолько сильно она любит его сына.

— Расскажите мне, как дела в школе? — прошу маму с сестрой.

— Да ничего нового, — пожимает плечами родительница. — Одни дети сменяют других.

И оглянуться не успеваешь, как вырастают.

— Антонина Павловна еще ведет книжный клуб?

— Ведет. Но сейчас он не пользуется такой популярностью у учеников.

— Почему?

— Все больше дети в телефонах и компьютерах, все меньше в книгах.

— Я тоже хочу компьютер! — тут же оживает Владик.

Ну вот, началось. Я уже закатываю глаза и тяжело вздыхаю.

— А ты умеешь им пользоваться? — спрашивает мама. — Зачем тебе компьютер?

— Мне кажется, что умею. Папа обещал купить мне, когда я пойду в школу.

Снова при слове «папа» из уст Владика меня будто током прошибает. Опять вспоминаю Диму, и совесть начинает точить в груди. Одно дело, когда я считала Диму мертвым, и поэтому вышла замуж и позволила чужому мужчине называться отцом Владика, а другое дело, когда Дима жив.

Вопрос, должна ли я была сказать Диме о Владике не даёт мне покоя. В больнице я была слишком эмоциональна и зла из-за того, что Олеся обманула меня, а сам Дима даже не пытался искать. Но сейчас эмоции улеглись, и я то и дело думаю, а как бы оно все было, если бы Олеся не солгала так жестоко, если бы дала мне новый номер Димы.

Я бы позвонила ему в армию и сказала, что беременна. А еще сказала бы, что люблю его больше жизни и мечтаю стать его женой. Конечно, он бы не смог ко мне приехать, из армии же нельзя уезжать. Но я бы дождалась Диму, родила Владика, потом он бы вернулся со службы. И мы бы обязательно что-нибудь вместе придумали. У нас был бы наш сын и наша любовь, а все остальное приложилось бы.

Вот только слишком много сослагательного наклонения и частицы «бы».

Но все сложилось так, как сложилось. Я вышла замуж за хорошего человека, который был рядом и помогал в самые тяжелые минуты, который принял меня с ребенком от другого мужчины и ни разу ничем не упрекнул. Игорь любит Владика, Владик любит Игоря. Я тоже вполне довольна своей жизнью и счастлива. Что еще нужно? Кому станет лучше от того, что я скажу всем правду?

Да у меня и возможности нет сказать Диме о ребенке, даже если захочу. Мы снова потерялись на неопределенное количество лет, а может, и навсегда. У меня нет контактов Соболева, у него нет моих. К тому же неизвестно, а нужен ли Диме сейчас шестилетний ребёнок. Может, Соболев сам собирается жениться или уже женат. Я же не знаю, что у него в личной жизни.

— Я хочу сходить в школу, — говорю маме с Настей. — Мне кажется, я не была там с выпускного.

— Приходи в любой день, — предлагает родительница. — Повидаешь своих учителей, они часто про тебя спрашивают.

— Я хочу сейчас. Можно?

— Сегодня суббота, учителя уже все ушли.

— Мне не нужны учителя. Я просто хочу пройтись по коридорам.

Мама с Настей удивленно переглядываются. А у меня же внутри все подгорает от желания.

— Да, конечно, — отмирает родительница. — Можем сейчас сходить.

Я тут же подрываюсь с места и бегу в прихожую одеваться. Схватившись за куртку, притормаживаю и гляжу на дверь своей комнаты. Бросаю верхнюю одежду и мчусь в свою спальню. Судорожно оглядываю пространство, в котором не была очень давно, и трясущимися пальцами выдвигаю ящики стола.

Шкатулка, поющая балерина, второе дно — и вот он. Старенький кнопочный телефон с зарядкой, который мне дал Дима, чтобы мы могли тайно общаться. Здесь должны быть сохранены все его смски.

Возвращаюсь в прихожую и натягиваю куртку, дрожа от перевозбуждения. Мне кажется, мама, Настя и Владик возятся ужасно долго. Сын вообще не понимает, почему он должен куда-то идти, по телевизору же начинается «Человек-паук».

А мне так не терпится, что уже чуть ли не подпрыгиваю. Чувство предвкушения чего-то долгожданного разливается по венам. По дороге до школы я уже начинаю ловить дежавю. Вспоминаю, как по этому самому скверу мимо садика Насти шла вместе с Димой. Вспоминаю, как он провожал меня до дома самый первый раз: после книжного клуба. А потом у моего подъезда нагло поцеловал, а я дала ему пощечину.

— Чему улыбаешься? — вырывает меня из воспоминаний голос сестры.

— Вспоминаю, как ходила по этой дороге в школу. Такое счастливое было время.

— Да... Папа был жив, — с тоской произносит Настя, и я крепче сжимаю ее ладонь.

Порог школы я переступаю с замирающим сердцем. Здесь абсолютно все напоминает, кричит, вопит о Диме. Хотя Соболев всего-то проучился в нашей школе один месяц. Но вот здесь у гардероба мы с ним постоянно обменивались колкостями, когда еще не начали встречаться.

Захожу в столовую. Сначала смотрю на столик, за которым сидела с друзьями, а потом перевожу взгляд туда, где во время обеда был Дима. Он в основном сидел с Лерой Полежаевой, но мы постоянно переписывались.

На непослушных ногах следую в кабинет, где проходит книжный клуб. Замираю на пороге, смотрю на стулья, выстроенным кружком, и вижу нас с Димой, а в ушах уже звучат оживленные голоса:

— Как вы считаете, предала ли Софья Чацкого, не дождавшись его возвращения? — спрашивает Антонина Павловна.

— Да! — восклицает Дима पहले всех.

— Так, Дмитрий, обоснуй.

— Чацкий и Софья росли вместе и любили друг друга. Но когда Чацкий уехал из Москвы в Петербург, Софья увлеклась Молчалиным.

— *Чацкий уехал на три года!* — возмущенно выпаливаю. — *И за эти три года ни разу не написал Софье! Она должна была сидеть у окна и ждать его возвращения, что ли?*

— *Ну, вообще-то, да,* — с вызовом говорит мне Дима. — *Я считаю, что Софья должна была ждать Чацкого.*

Интересно, считает ли Дима так до сих пор? Что героиня книги должна ждать героя, который уезжает и не пишет.

— Мааам, что мы здесь делаем? — хнычет рядом Владик. — Пойдем уже домой?

Я молча склоняюсь к сыну и поднимаю его на руки. Прижимаю крепко к своей груди и целую в макушку, чувствуя, как выступают слезы на глазах.

— Еще чуть-чуть погуляем по школе и пойдем домой.

Держа Владика на руках, иду в библиотеку. Наверное, здесь все и началось. Смотрю на стол, за которым мы с Димой сидели и делали презентацию, тихо переговариваясь. У меня тогда от его близости сердце ходуном заходило. Мне казалось, я такая глупая по сравнению с ним. А после презентации Дима снова проводил меня до дома. Уже тогда у меня земля под ногами плыла в присутствии этого парня.

Осталось последнее место. Наше с Димой место. Опускаю Владика на ноги и веду за руку в начальную школу. Там сворачиваю под лестницу и едва сдерживаю подкатывающие к горлу рыдания.

Здесь Дима целовал меня на переменах, здесь рассказал, как увидел меня самый первый раз на олимпиаде. Я приваливаюсь спиной к стене и опускаю веки, из-под которых по щекам заструились слезы.

— Мам, почему ты плачешь? — испуганно спрашивает Владик.

Ничего не отвечая, прижимаю ребенка к ногам. И я как будто снова слышу Димин шепот на ухо:

— Ужасно соскучился по тебе, Белоснежка.

Уже после расставания и окончания школы и продолжала приходить сюда под лестницу, ожидая, что однажды Дима появится. Но он так и не пришел. А потом Олеся сказала мне, что Дима умер, а я наивно поверила.

Но я ведь даже представить не могла, что такими вещами можно шутить...

Громкий звон рингтона моего мобильного заставляет буквально подпрыгнуть от неожиданности.

— Мам, пойдем уже! — бурчит Владик и тянет меня за край кофты.

Быстро снимаю с плеча сумку и достаю мобильный, параллельно растирая по лицу слезы и шмыгая носом. На экране незнакомый номер, и я секунду сомневаюсь, поднимать ли трубку. Не очень люблю отвечать на незнакомые номера. Это или телефонные мошенники, или из банка предлагают взять кредит.

— Мама, у меня уже уши болят! Ответь уже!

Слова сына подстегивают меня к тому, чтобы провести пальцем по экрану и принять вызов:

— Алло.

— Привет, Белоснежка, — звучит на том конце провода, и мое сердце с грохотом проваливается в пятки.

Глава 14.

Я стою, онемев и вцепившись в трубку. Не могу поверить, что слышу голос Димы, что слышу его «Белоснежка».

— Это Дима Соболев, — говорит так, как будто я могла не узнать его. — Тебе удобно сейчас разговаривать?

— Д-да, — лепечу, еле двигая языком.

— Как ты? Как самочувствие? Оправилась?

— Эээ, д-да, а откуда у тебя мой номер телефона?

— Твой номер за семь лет не изменился.

Я впадаю в новый ступор. Да, мой номер за семь лет не изменился, но все же откуда он у Димы? Он же вроде терял телефон в армии или что-то такое.

— Не думала, что мой телефон до сих пор сохранен в твоей записной книжке, — произношу с иронией.

— Ты права, в записной книжке не сохранен. Но, как это ни странно, я помню твой номер наизусть. Ну у меня всегда была хорошая память на цифры, так что ничего удивительного.

— Ммм, ясно...

Обида снова больно жжёт. Семь лет помнил мой номер наизусть и ни разу не позвонил, ни разу не написал. Просто вычеркнул меня из своей жизни. Да, я совершила ошибку, отказавшись выходить за него замуж. Но Дима даже не дал мне возможности исправить ее. Просто исчез. Испарился. И если бы не случайная встреча, так бы до сих пор и думала, что он мёртв.

— Зачем звонишь? Ты что-то хотел? — спрашиваю не очень дружелюбно.

— Да... Мне кажется, мы как-то не очень нормально поговорили в больнице. Я хотел предложить тебе встретиться в ближайшее время. Где-нибудь посидеть, поговорить. Спокойно, без эмоций. Хочу понять, что произошло, когда я ушел в армию.

— Спроси у Олеси, что произошло.

— Я с ней уже поговорил.

— Тогда что ты сейчас хочешь от меня? — рявкаю.

Слезы больно колют глаза. Мне едва удаётся сдержаться, чтобы не шмыгнуть в трубку носом. Я, как дура, стою на нашем месте с нашим сыном, предаюсь воспоминаниям, и тут звонит Соболев и говорит, что всегда помнил мой номер. Всегда помнил и ни разу не набрал.

— Я хотел увидеться с тобой и поговорить. Просто один разговор, Сонь. И больше я тебя не побеспокою.

— Mam, ну ты скоро!?! — возмущённо выкрикивает Владик, а я впадаю в панический ужас. — Я уже домой хочу!

Повисает молчание. Я боюсь дышать. Дима все слышал. Прямо сейчас на том конце провода Дима слышал голос своего сына, о котором не знает. Мне становится дурно, и я без сил приваливаюсь спиной к стене, а затем и вовсе сползаю по ней вниз.

Молчание затягивается. Я слышу тяжелое дыхание Соболева в трубку.

— Mam, тебе плохо? Позвать бабушку?

Владик снова говорит громко. Дима снова его слышит.

Господи, но не может же Соболев догадаться по детскому голосу через телефон???

— Это твой ребенок? — Дима наконец-то прерывает очень долгую паузу.

Зажмуриваю глаза и опускаюсь лицом в колени.

— Да, — тихо выдыхаю.

— Мальчик?

— Да.

Снова молчание. О чем он думает? Догадался, что родила от него? Хочет теперь забрать у меня сына? Черт его знает, что может быть у Соболева в голове, спустя столько лет.

— А у тебя есть дети? — зачем-то спрашиваю. Наверное, чтобы перевести разговор с меня на него. Наверное, чтобы отвлечь мысли Димы от Владика.

— Нет, у меня нет детей. Я не женат.

— Но состоишь с кем-то в серьезных отношениях?

— Нет, я свободен.

— Даже просто какой-нибудь девушки нет? — в моем голосе отчетливо слышится неподдельный интерес. Кажется, любопытство, что происходит в личной жизни Димы, сейчас взяло верх над страхом, что он может догадаться о сыне.

— Постоянной нет.

— Понятно... Ну ничего, ты еще обязательно кого-нибудь встретишь.

Боже, что я несу!?

Дима смеется. Таким добрым расслабленным смехом, который я слышала от него семь лет назад. Его настроение передаётся мне, и я тоже тихо смеюсь в трубку, медленно расслабляясь.

— Спасибо за доброе пожелание, Белоснежка.

— Не за что.

— Так что насчёт моего предложения? Ты согласна встретиться один раз? Просто поговорим, Сонь. И я обещаю, что больше не буду беспокоить твою спокойную семейную жизнь с мужем и сыном.

Я рвано выдыхаю в трубку. Не догадался. Какое счастье. Если бы догадался, то никогда бы мне так не сказал: «И я обещаю, что больше не буду беспокоить твою спокойную семейную жизнь с мужем и сыном».

— Ну так что? — торопит меня с ответом.

Встретиться. Дима предлагает мне встретиться. От одного раза же ничего не будет? А поговорить нам действительно надо. В конце концов, мы же не враги. Когда-то мы сильно любили друг друга, а сейчас я ращу нашего сына. Просто одна встреча.

— Хорошо, — тихо соглашаюсь. — Давай встретимся.

— Когда тебе удобно?

— В любой будний день в рабочее время.

Дима на несколько секунд замирает. Ох, наверное, ему будет неудобно в будний день и в рабочее время. А в другое я не могу. По вечерам и по выходным я с семьей. Могу встречаться и делать дела только в будние, когда Игорь на работе, а Владик в садике.

— Как насчёт понедельника в три часа? — наконец, говорит.

— Да, отлично. А где?

— А где тебе удобно?

Так, мы встретимся в три часа, а в пять мне надо будет забирать Владика из садика. Пары часов на разговор с Соболевым, думаю, хватит. А мне надо будет быстро дойти до сада.

— Я пришлю тебе смской на этот номер адрес кафе.

— Хорошо, буду ждать.

— Пока...

— Пока, Белоснежка.

Отбиваю звонок и облегченно выдыхаю. Этот короткий разговор выжал из меня все соки, такое ощущение, что я пробежала марафон.

— Мам, ну теперь мы можем пойти? — недовольно вопрошает Владик.

— Иди сюда, — произношу, смеясь, и усаживаю сына к себе на ноги. — Ты заставил маму изрядно понервничать, — смачно целую в щеку.

— А кто тебе звонил?

Твой папа, крутится в голове ответ, но вслух, конечно же, говорю другое:
— Да так... Один очень старый знакомый.

Глава 15.

Все время до встречи с Димой я не могу ни о чем думать и ни на чем сконцентрироваться. Прокручиваю наш будущий разговор, пытаюсь решить, как себя вести, но в час X в голове будто чистый лист.

Я подхожу ко входу в кафе и бросаю последний взгляд на свое обручальное кольцо. Так и не решила, снимать его или нет. Цепочку со знаком бесконечности, которую мне подарил Дима на мое восемнадцатилетие, я спрятала под ворот водолазки. Я так ни разу и не сняла этот кулон, но не хочу, чтобы Дима его видел.

Решив все-таки оставить кольцо на пальце, уверенно открываю дверь заведения и прохожу внутрь. Дима уже здесь, сидит за столиком у окна. Ловит взглядом меня и поднимается на ноги. Те секунды, что шагаю к Соболеву, мое сердце трепыхается, словно птица в силках.

— Привет, — произношу, замороженно глядя на него.

— Привет, Белоснежка, — Дима неожиданно обнимает меня. — Если что, я настоящий человек, а не привидение.

Я издаю нервный смешок ему в плечо и тоже неуверенно приобнимаю за спину.

— Рад видеть тебя, — говорит на ухо.

Такое ощущение, что время остановилось, мир остановился. Я обнимаю Диму Соболева, а он обнимает меня. Что может быть безумнее этого? Еще совсем недавно я даже не могла о таком мечтать. А сейчас стою в его объятиях и вдыхаю некогда родной и любимый запах.

Дима жив. С ума сойти...

Соболев первый выпускает меня из рук, у меня бы не хватило сил сделать это. Он возвращается на свой стул, я сажусь напротив. Ни идеи в голове, о чем говорить. Просто хочу посмотреть на него возмужавшего и любоваться. Радоваться, что здоров и в порядке.

Дима стал еще сильнее. Под джемпером невооруженным взглядом видны крепкие мышцы. Наверное, много спортом занимается, раз в спецназе работает.

Ох, Дима, ведь все могло бы быть по-другому...

— Как твои дела? — первый начинает разговор. — Оправилась от стресса?

— От какого именно? Моего похищения или твоего воскрешения?

Дима слегка смеется и жестом подзывает официантку.

— Мне американо, — делает заказ.

— Мне тоже, — говорю следом.

Девушка удаляется, и вновь возникает пауза. Я продолжаю, не стесняясь, рассматривать Диму. Он тоже гуляет по мне взглядом, будто ищет перемены.

— Я имел в виду все-таки похищение, — снова прерывает тишину.

— Оно мне кажется сущей ерундой по сравнению с тем, что ты жив.

— Ну нет, — качает головой. — Это очень серьезная банда мошенников. За ними давно идет охота. Одеваются в клоунов и грабят то ювелирные магазины, то банковские отделения. Убийства тоже совершали, так что тот клоун и правда мог в тебя выстрелить.

— Их ловишь ты?

— Нет, их ловит полиция.

— А ты тогда что там делал?

— Я работаю в спецназе. Мы штурмуем помещения, делаем захваты, освобождаем заложников.

— А кто именно ты в спецназе?

Мне до ужаса интересно. Интуиция кричит о том, что Дима снайпер с крыши. От этого одновременно и страшно, и в то же время восхищение берет. Это ведь такая опасная профессия.

Но Соболев как будто бы не хочет говорить. М нётся в неуверенности.

— Если честно, мне нельзя раскрывать, кем именно я являюсь. У нас повышенная секретность.

— Думаешь, я расскажу кому-то?

— Дело не в этом. Просто есть правила, которые лучше не нарушать. Мы ведь не зря все в масках были. Никто не должен знать, кем именно мы являемся. Это нужно как для нашей безопасности, так и для безопасности близких людей.

— Ты снайпер, — выдыхаю, игнорируя его длинную речь. — Это был ты.

Дима молчит. Потом слегка склоняет голову набок и приподнимает уголок губ в лукавой улыбке.

— Я не буду ни подтверждать, ни опровергать. Но ты всегда была очень сообразительной, Белоснежка.

Любой комплимент из уст Димы до сих пор вгоняет меня в краску. Я смущенно закусываю губу и нервно поправляю волосы за уши.

— Как тебя вообще туда занесло? Ты же хотел стать программистом.

— Я пошел в армию. После срочной заключил контракт в армейском спецназе. Два года ездил в Сирию. На третьем году контракта пошел учиться в специальное место, чтобы взяли в спецназ внутренних войск. Я недавно здесь работаю.

— Ты был в Сирии!?

— Да.

— А что ты там делал?

— Ну а что, по-твоему, там делают?

Меня обдаёт ледяной волной ужаса. Дима так легко об этом говорит, как будто мы обсуждаем что-то обыденное.

— Белоснежка, со мной все в порядке, — смеется. — Смотри, я жив и здоров. Никто меня не убивал.

Я выравниваю дыхание и решаю перейти к главному.

— А Олеся мне сказала, что тебя убили в армии. И я поверила.

Дима издаёт обреченный стон.

— Сонь, ну вот как могут убить солдата-срочника, а? Ну ты бы просто подумала. Срочная армия — это детский сад для мамкиных сынков-соплежув. Там ничего не может случиться.

— Да откуда я могу знать, что в этой вашей армии может случиться, а что нет! — рывкаю со злостью. — И вообще, кто шутит такими вещами? Вот тебе скажут, что умер какой-то твой знакомый, у тебя возникнет мысль засомневаться в этом?

— Ну ты бы хотя бы запрос в военкомат отправила! Это же Олеся. Ей вообще нельзя верить.

Меня распирает от возмущения. Я, оказывается, не должна была верить рыдающей и колотящейся головой об стенку Олеся. Я, оказывается, должна была догадаться, что она возомнила себя на сцене.

— Ты так говоришь «Это же Олеся», как будто я знаю твою Олеся. Да я и словом с ней ни разу не обмолвилась. Нормальному человеку никогда не придёт в голову такое выдумывать.

Дима закатывает глаза. Мне даже кажется, он не в полной мере осознаёт, какой ужас я тогда пережила.

— Ладно, проехали. Я поговорил с ней. Она, безусловно, совершила ужасный поступок. У меня самого долго в голове не укладывалось.

— А почему ты удалился тогда из всех соцсетей?

— Они мне надоели. А что?

— Я ведь искала тебя. В соцсетях твои страницы были удалены, телефон недоступен. А потом Олеся сказала, что тебя якобы убили в армии.

— Ну телефон у меня сразу украли, симка была оформлена на брата, поэтому я не мог ее восстановить и пришлось покупать новую. Это я тебе уже говорил. А соцсети просто надоели.

— А почему ты не сообщил мне свой новый номер?

— Не думал, что он тебе нужен.

Где-то во время жаркого спора об Олесе официантка принесла нам кофе. Я опускаю взгляд в кружку и смотрю, как над горячим напитком поднимается пар. Снова возникает пауза. В груди разливается гадкое чувство тоски и обиды.

«Не думал, что он тебе нужен».

— Что мы все обо мне, — переводит тему, делая глоток кофе. — Расскажи мне про себя. Как дела? Чем занимаешься?

— Да ты уже про меня все знаешь, — отвечаю, не поднимая глаз. — Все нормально у меня.

Не смотрю на Диму, но чувствую его жгучий взгляд на моем безымянном пальце с кольцом.

— Есть семья, — не пойму по интонации: то ли констатирует, то ли спрашивает.

— Да, есть.

— Поздравляю, — произносит совсем не поздравительным тоном.

— Спасибо.

— Сколько лет твоему ребенку? Я почему-то думал, что он у тебя маленький, а, оказывается, уже так бойко разговаривает.

Я резко поднимаю голову на Соболева. Внутри все обмирает. Идя на встречу, я четко для себя решила, что не скажу про Владика ни слова. Возможно, я поступаю плохо и не правильно, скрывая от Димы правду, но я обязана в первую очередь думать о сыне.

Владик считает своим папой Игоря, любит его и счастлив в нашей маленькой семье. Я не представляю, как обрушить на Владика правду о том, что его любимый папа — это не его папа, а на самом деле его папа — это другой дядя.

Ну и, конечно же, Игорь. Он мой муж, у нас семья. Я не могу разрушить нашу семью просто потому, что Дима жив. Его не было семь лет, он не искал меня. Да, случилось так, что мы встретились. Но это не повод рушить мою семью.

Мое молчание затягивается.

— Четыре, — выпаливаю. — Моему сыну четыре года.

Я прямо вижу по Диминому лицу, как он подсчитывает в голове, когда я родила.

— А во сколько лет ты вышла замуж?

— В девятнадцать, — уверенно вздёргиваю подбородок. — А что?

Он удивлён, если не сказать, что поражён. Ну давай, спроси, почему так быстро после нашего расставания.

Нет, не спрашивает. Но какие-то свои выводы явно делает.

— Понятно. Ну я рад, что у тебя все хорошо.

— Спасибо. Я тоже рада, что у тебя все хорошо.

Вот и поговорили. Дима допивает кофе в несколько глотков, я к своему даже не притронулась. В воздухе летают искры. Он на взводе, я тоже.

— Ну а что ты хотел? — не выдерживаю. — Чтобы я оплакивала тебя до конца своих дней?

— Я уже давно ничего от тебя не хочу.

— Ну вот и замечательно. А почему ты до сих пор не женился?

— А надо было?

— Неужели за семь лет не нашлось достойной девушки?

— Нашлось, но я сам не хочу.

— И почему же?

— Предпочитаю свободные отношения. Никаких обязательств, никому ничего не должен, никто не выносит мозг. Это намного лучше, чем моногамные отношения с одной девушкой.

От такого ответа я теряюсь. Это намёк на то, что я выносила ему мозг?

А свободные отношения — это что? Секс без обязательств? Потрахались и разошлись по своим делам?

И сколько у него было таких девушек после меня? Которых просто трахнул и забыл. И он сказал, что это лучше, чем «моногамные отношения с одной девушкой». То есть, вот такой секс без обязательств ему нравится больше, чем те отношения, которые были у нас?

Его кулон под водолазкой жжёт кожу. Я хочу засунуть руку под горловину и сорвать нахрен знак бесконечности с гравировкой на обратной стороне: «Моя любовь к тебе бесконечна».

— Чем еще занимаешься? — спрашивает. — Где работаешь?

— Нигде, я домохозяйка.

Дима удивленно вскидывает бровь.

— А ты поступила в МГУ, как хотела?

— Да, но я не пошла туда учиться.

— Почему?

— Потому что перед самым началом учебного года меня очень сильно сбила машина. Я много времени провела в больницах. Ну а потом вышла замуж, родился ребенок... Не до учебы было. Но я буду поступать сейчас. Сын уже более-менее подросток.

Я даже говорю почти правду. Видно, что Диму удивили мои слова. Даже как будто погрустнел.

— Очень жаль, что так вышло. Я помню, как ты мечтала учиться в МГУ.

— Не все наши мечты сбываются.

Дима горько ухмыляется. Мне тоже становится больно от моих же слов. Мы с Димой много мечтали.

Мечтали, что окончим школу, мне будет восемнадцать, и моя мама не сможет препятствовать нашим отношениям. Мечтали, что будем вместе путешествовать. Мечтали, что однажды начнём вместе жить.

Мечтали, мечтали, мечтали...

Но все мечты разбились, всё превратилось в пыль. Ничего от нас не осталось. И сейчас только и можем, что разглядывать друг друга с тоской и болью. Представлять, как оно могло бы быть.

Громкая трель будильника на моем телефоне приводит в чувство нас обоих. 17:00. Пора идти за Владиком.

— Рада была тебя повидать, — бормочу, выключая будильник. — Мне пора забирать ребенка из садика.

Дима поднимается следом за мной и бросает на стол несколько купюр.

— Я тебя отвезу.

Меня будто молнией простреливает.

— Зачем? Не надо меня отвозить.

— Далеко садик? Я на машине.

— Нет, он рядом.

— Ну давай все равно отвезу.

— Не надо! — я изо всех сил стараюсь скрыть испуг в голосе. Еще не хватало, чтобы Соболев знал, в какой садик ходит наш сын.

А вдруг он увидит Владика и все поймёт???

— Я тебя отвезу, — настойчиво повторяет.

Это напоминает мне школьные времена, когда мы еще не встречались, но Соболев упорно провожал меня до дома, несмотря на мои возражения. Мой Дима, которого я помню, обязательно бы строго добавил: «Сонь, хватит выделываться. Сказал, провожу». А этот Дима... Он не мой.

— Сонь, хватит выделываться. Сказал, отвезу.

Я аж теряю дар речи.

— Идём, — опускает ладонь мне на спину и поворачивает к выходу из кафе.

У меня ватные ноги, а в голове хаос. Послушно семеню и сама не понимаю, как оказываюсь у серого автомобиля. Дима снимает его с сигнализации и открывает мне переднюю дверь.

— Садись, — командует.

— Нет! — прихожу в себя и разворачиваюсь, но тут же оказываюсь в крепких руках Димы.

Он прижимает меня к себе и шумно выдыхает на ухо:

— Прости.

— За что?

— За то, что сказал тебе в кафе. На самом деле я не женюсь, потому что после тебя так больше никого и не полюбил.

Из лёгких мигом весь воздух вышибает, а сердце принимается больно колотиться о рёбра. Глаза начинает щипать, в горло поднимается тугой ком.

Вот зачем он сейчас это сказал?

— Соня... — шепчет.

— Да, я вышла замуж слишком скоро после нашего расставания, — голос надламывается. — Но это не значит, что я тебя забыла. Просто в тот момент я не видела для себя иного выхода. Пожалуйста, не спрашивай, почему.

Дима крепче прижимает меня к своей груди, а я изо всех сил стараюсь не разреветься. Я не люблю вспоминать тот период своей жизни. Я тогда жила только ради Владика. Если бы я все-таки потеряла ребенка... Думаю, и меня бы тоже сейчас не было.

— Прошу тебя, садись в машину. Уже темнеет, я не позволю тебе идти одной.

Я непроизвольно улыбаюсь сквозь слезы. Прошло семь лет, а отговорка у Димы не изменилась. При том, что уже середина апреля, и темнеет достаточно поздно. Ну по крайней мере точно не в пять часов.

Но с Димой бесполезно об этом спорить, поэтому я послушно залезаю в автомобиль.

Глава 16.

— Говори адрес садика, — произносит Дима, доставая из кармана смартфон.

Я диктую улицу и номер дома. Соболев забивает в навигатор и вставляет телефон в специальную подставку для него.

— Десять минут, — рапортует.

Я пристегиваю ремень и скашиваю взгляд на Диму. Снова становится не по себе. Я любой ценой должна не допустить, чтобы Соболев увидел Владика. И хотя я не думаю, что Дима может отличить на глаз шестилетнего ребенка от четырехлетнего, от греха подальше необходимо избежать их встречи. Владик ведь может ляпнуть что-нибудь про компьютер, и тогда Соболев догадается сам.

По позвоночнику проходит неприятный холодок.

— Как зовут твоего сына?

Вопрос Соболева заставляет меня чуть ли не подпрыгнуть на сиденье. Вот зачем ему эта информация? Несколько секунд я в замешательстве молчу. Если честно, мне совсем не хочется обсуждать с Соболевым нашего сына.

— Эээ, а почему ты спрашиваешь?

Мое сердцебиение громче моего голоса. Мне до ужаса страшно, что я могу хоть как-то выдать правду о сыне. Лучше бы я вообще молчала, что у меня есть ребенок! Дернул же меня черт за язык в больнице.

— Просто интересно.

— Владик, — говорю, помедлив. — Владислав.

— Красивое имя.

Кажется, с меня сейчас три пота сошло. Я отворачиваюсь к окну, нетерпеливо барабанив пальцами по ноге. Побystрее бы уже приехать и распрощаться с Соболевым.

Господи, какое счастье, что я не назвала сына Дмитрием! А я ведь я хотела. В честь Соболева. Когда на узи мне сказали, что будет мальчик, я до самых родов мысленно называла ребенка Димой. Но впервые взяв сына в руки и глянув в его маленькое личико, я поняла: никакой он не Дима, он Влад!

Потом, правда, пожалела о своем решении. И жалела вплоть до недавнего времени. Смотрела на сына, так похожего на Соболева, и думала, что надо было все-таки Димой назвать.

Но сейчас, сидя в автомобиле воскресшего Соболева и отвечая на вопрос, как зовут моего ребенка, я понимаю, что назвать сына Владиславом, а не Дмитрием, было самым правильным решением в моей жизни.

— Спасибо. Это муж захотел так назвать, — вру для пущей убедительности.

Соболев ухмыляется. Мы стоим в пробке на светофоре, и от того кажется, что время ползет мучительно медленно. Я слегка поворачиваю голову в сторону Димы и завороченно смотрю на его профиль, чувствуя, как меня переполняет восхищение.

Этот прекрасный сильный мужчина мог бы быть моим мужем, вдруг некстати посещает мысль. Я хочу прогнать ее из головы, но она уже плотно засела и дала старт воображению. Я представляю, как мы с Димой расписались бы в загсе, а потом пошли бы это отмечать. Затем бы у нас родился сын. Беременность и роды протекали бы легко, я смогла бы ходить в университет.

Дима чувствует на себе мой взгляд и тоже поворачивает ко мне голову. Внутри все обмирает от его взгляда. Грудь наполняется печальной нежностью, я вдруг до ужаса хочу обнять Диму, прижаться к нему. Если еще минуту назад я жалела, что села в его машину, то сейчас безумно этому рада. Просто побыть в полуметре от него — уже кажется неопишным счастьем.

— Я так и не спросил, а зачем ты меня тогда искала?

Вопрос вышибает из меня всю ванильную дурь, которая только что переполняла все мое тело. Дима отворачивается к лобовому, чтобы возобновить движение и проехать светофор. Я же, вернувшись на землю из несбыточных мечт, онемела и не знаю, что ответить на вопрос.

Стены салона давят. Дима даже музыку не включил, тишина кажется угнетающей. Он ждет ответа, а я молчу. Садик уже совсем рядом. Поскорее бы доехать и сбежать.

Но что-то ответить надо.

— Хотела поговорить, — наконец-то произношу.

— О чем?

— О нас.

— А поконкретнее?

Мой тяжёлый вздох разрезает тишину. Я снова поворачиваю голову к Диме. Через пару минут мы будем у садика.

— Я потом передумала и хотела тебе об этом сказать, — голос надламывается. — Но ты уже вычеркнул меня из своей жизни.

— О чем именно передумала?

Он как будто не понимает, что я имею в виду! Специально выводит меня на признание. С одной стороны, это злит. Но с другой... Чего упираться?

— Я искала тебя, чтобы сказать, что люблю тебя и хочу выйти за тебя замуж. Так понятно?

Даже в темноте салона я замечаю, как кровь отливает от его лица. Словно громом пораженный, Дима медленно поворачивает ко мне голову.

Глава 17.

— Смотри, пожалуйста, на дорогу, — прошу Диму. — Иначе мы во что-нибудь въедем. Дима дергается, будто опомнился, и возвращается к лобовому. В салоне стоит такая гробовая тишина, что слышно, как мы оба дышим. Тяжело, надрывно.

— Мы приехали, — объявляю, как только оказываемся у забора садика, и расстегиваю ремень. — Высади меня здесь.

Не высаживает. По-прежнему молчит, а по действиям я понимаю, что ищет место для парковки. Заезжает в свободный карман и глушит мотор, не разблокируя дверей. Я же уже, как на иголках. Может, не следовало говорить правду? Вот зачем я сказала, корю себя.

— Сонь, — глухо произносит и сжимает мою ладонь.

Тело тут же прошибает током. Резко выдергиваю руку.

— Дим, выпусти, пожалуйста, мне пора.

— Подожди.

Соболев расстегивает ремень и подаётся ко мне. Разворачивает к себе, беря мое лицо в ладони, и заглядывает в глаза.

— Ты правду сейчас сказала?

— Нет, пошутила. Выпусти меня, пожалуйста. Мне действительно пора.

Голос дрожит, срывается. Мне тяжело находиться близко к Диме, особенно, когда его ладони сжимают мое лицо, а глаза смотрят так пронзительно, что душа выворачивается наизнанку.

Зачем я это сказала? Для чего? Теперь всем будет только хуже.

— Нет, ты не шутила. Я прекрасно знаю, какая ты, когда шутишь. Я все помню про тебя: мимику, жесты, смех, улыбку. Ничего про тебя не забыл.

Дима сильнее сжимает мое лицо в руках. Я обреченно опускаю веки, быстро дыша. Так мало воздуха. Ощущение, будто задыхаюсь.

— Почему ты говоришь, что я вычеркнул тебя из своей жизни? Ты сделала тогда выбор, а я его принял. Вот и все.

— Дима, дай мне уйти, — молю шепотом.

— Нет.

— Мне правда пора, пожалуйста. Зачем ты задаешь все эти вопросы?

Сквозь закрытые веки побежали дорожки слез. Дима нежно вытирает их пальцами.

— Ну что ты? — соприкасается со мной лбом. — Не плачь, прошу тебя.

Я чувствую его дыхание на своих губах. Оно не изменилось, все так же с привкусом мяты. Душа, сердце — все рвется в клочья в эту секунду, а сама я лечу в бездну.

— Соня... — шепчет практически мне в губы.

Нервы — оголенные провода. Сердце шарашит в ушах набатом. Мир рушится. Мое лицо в его ладонях, между нашими устами ничтожные сантиметры.

Чуть смещает лицо вбок и собирает губами слезинку с моей щеки. Меня тут же бьет электрическим разрядом, да так сильно, что вздрагиваю. Потом вторую собирает. Потом третью.

— Остановись, — выдыхаю.

Не останавливается, пока не собирает последнюю слезинку. А я сама не в силах его оттолкнуть. Замерла и таю, разрываюсь на атомы при каждом прикосновении его губ к моей щеке. Шумно выдыхает мне в висок и крепче прижимает к себе.

— Ты тогда не дал мне права на ошибку, — срывается с губ с укором после паузы. — Я ошиблась, я признаю это. Но почему ты не дал мне права на ошибку, Дима?

— Не знаю, — произносит с болью в голосе. — Я был убит твоим отказом. Думал, моя жизнь кончена. Не знал, как жить без тебя, не видел смысла. Ничего не хотел без тебя, —

падает лбом мне на плечо. — Ты приняла решение, ты выбрала не меня. Мне оставалось только смириться с этим. И я просто пошел в армию. Подальше от тебя, от Москвы, от всего, что напоминало о тебе. Туда, где не будет времени думать о тебе.

— Почему не позвонил ни разу?

Ком посреди горла отдает болью при каждом слове. Его не сглотнуть, не прогнать.

— Знаешь, сколько раз хватался за телефон тебе позвонить? И знаешь, сколько телефонов разбил о стену — только бы не набирать твой номер? Меня так ломало без тебя, Сонь. А потом на войну поехал. Она меня вылечила от больной любви к тебе.

Дима замолкает. Зарывается лицом в мои волосы и вдыхает глубоко.

— Мне снился твой запах, Белоснежка.

Я растоптана, уничтожена вдребезги. Как жить после всего, что я сейчас услышала? Как обнимать мужа после того, как побывала в объятиях Димы? Как каждое утро открывать глаза, зная, что все, абсолютно все, могло бы быть иначе?

Соблазн рассказать Диме правду о Владике настолько велик, что я в прямом смысле прикусываю язык. Запрещаю себе. Нельзя. Я не могу поддаться этому секундному порыву. Он ведь пройдет, а последствия сказанного останутся. Собираю в кулак всю свою волю, что произнести твердо:

— Но сейчас мы не можем быть вместе.

— Я понимаю.

— Мне правда пора идти. Отпусти, пожалуйста. У меня теперь совсем другая жизнь. Теперь все по-другому. Я жена и мать.

Дима заглядывает мне в лицо. Одну руку опускает на щеку, второй прижимает к себе за плечи. Что он пытается прочесть по моим глазам? О чем думает?

— Я еще увижу тебя? — спрашивает с надеждой.

— Не знаю... Нет... Зачем?

— Мы могли бы...

— Что могли бы?

— Просто общаться хотя бы. Раз уж мы встретились.

— Зачем?

— Не знаю. Просто так. Зачем люди общаются?

С каждой секундой мне все тяжелее и тяжелее. Хотя, казалось бы, куда тяжелее? Все происходящее сейчас — на разрыв аорты. Только Владик и необходимость думать о его спокойствии, благополучии, сохранении его привычного мира, где у него уже есть любимый папа, помогают мне не потерять ошметки рассудка и не утонуть в Соболеве прямо сейчас.

— Не надо нам общаться.

— Почему?

— Потому что у меня есть обязательства перед семьей и мужем. А мы не просто старые знакомые, Дим. Мне будет сложно объяснить мужу, кто ты и почему я с тобой общаюсь.

На его лице мелькает понимание. Одна рука соскальзывает с моей щеки вниз, хватка второй на плечах ощутимо ослабевает. Я выпутываюсь из Диминых объятий и только теперь могу вздохнуть свободно.

— Открой, пожалуйста, дверь.

Дима молча нажимает кнопку на панели возле себя. Замки щелкают. Этот звук словно символизирует наш конец.

Я бросаю на Диму последний взгляд, полный тоски и грусти.

— Рада была тебя увидеть. Прощай.

— Прощай, Белоснежка, — едва слышно произносит.

Я поднимаю с пола сумочку и выхожу из машины. Апрельский ветерок тут же бьет в лицо, приводя в чувство. Еще несколько раз вдохнув полной грудью, с чувством рухнувшей

жизни иду по направлению к садику. Группа Владика гуляет во дворе, мне кажется, я даже вижу синюю курточку сына.

— Сонь, подожди! — прилетает мне в спину голос Соболева.

Я замираю на месте, как вкопанная. Испуганно оборачиваюсь и вижу торопящегося ко мне Диму. Неприятное предчувствие сковывает все тело.

— Раз уж я вижу тебя последний раз в своей жизни, дай хотя бы проводить тебя. Ну зачем так поздно идти одной с ребенком? Опасно же. Я потом себе не прощу, если с тобой что-то случится. Ну и с твоим ребенком тоже.

Глава 18.

Я теряю дар речи. Дима на полном серьезе все это говорит и собирается провожать меня до дома с ребенком.

— Соня, давай я довезу вас до дома? Зачем ты будешь одна идти с ребенком в такое позднее время?

— Еще и шести часов нет, — отмираю.

В голове орет сирена. Я любой ценой должна не допустить, чтобы Дима увидел Владика. Не дай Бог, он узнает в нем сына или начнет что-то подозревать. Зная Соболева, точно можно сказать, что ничем хорошим это не закончится. Дима начнет качать права, требовать общения с Владиком, а это разрушит привычный мир ребенка. У Владика уже есть папа, которого он любит. Как объяснить ребенку появление второго отца, я не знаю.

— Ну и что? Тебя вообще утром похитили. Давай я отвезу тебя с ребенком.

— Нет, — протестую. — У тебя в машине нет детского кресла.

— Тогда провожу вас. Вы далеко живете?

— Нет, мы живем в пяти минутах отсюда. Пожалуйста, Дима, не надо. Вернись в свой автомобиль и уезжай.

— Почему ты не хочешь, чтобы я вас проводил? Неужели после похищения не боишься ходить по улицам?

— Не боюсь.

— А если тебя снова похитят? На этот раз с ребенком, — выдвигает весомый аргумент.

Умом я понимаю, что частично Дима прав. Клоуны действительно похитили меня среди бела дня в людном месте. Но что же теперь, по улице никогда больше не ходить? Телохранителя нанять? Ерунда. Хотя мне все еще и страшно, а Игорь прав, эта проблема решается с помощью психолога.

— Не надо нас провожать, — отрезаю. — Пока.

Я разворачиваюсь и возобновляю движение по направлению к садику. Но почти у калитки Соболев снова догоняет меня и хватает за руку.

— Соня, пожалуйста! Позволь проводить тебя. Последний раз.

— НЕТ! — рявкаю так, что оглядываются идущие мимо мамыши с детьми. — С какой стати ты — совершенно чужой и посторонний человек — будешь провожать меня и моего сына до дома? Что я ребенку скажу?

На словах «совершенно чужой и посторонний человек» лицо Соболева изображается гримасой боли. Эта боль тут же передается мне, проникает в душу и рвет ее изнутри.

Ведь Дима самый что ни на есть родной... Для меня и для нашего сына...

— Соня, я прошу тебя, пожалуйста, — берет мою ладонь в свою. — В последний раз.

Как же больно. Как же мне сейчас больно. Смотрю на Диму и вдохнуть не могу. Он переплетает наши пальцы, сжимает мою руку и смотрит так жалостливо... Сердце кровью обливается.

Я никогда не могла устоять перед Димой. Всегда таяла перед ним, всегда поддавалась. Вот и сейчас таю. И только Владик, обязанность сохранить привычный мир сына, не тревожить его, заставляют меня выдержать руку из ладони Соболева.

— Нет, — повторяю твердо. — У меня есть муж, мы растим вместе нашего ребенка. Твое присутствие рядом с моим сыном неуместно. Ты чужой и посторонний человек, — голос надламывается. — Уходи, Дима. Тебе не место рядом с моим ребенком.

Кровь отливает от его лица, глаза становятся стеклянными. Моя душа растерзана в клочья моими же словами. Но я во что бы то ни стало должна остановить Соболева, прогнать его, не допустить их с Владиком встречи.

Мы с Димой — жертвы страшных обстоятельств, где посторонние люди решили все за нас: мои родители, Олеся. И как бы ни было больно нам обоим, а мы обязаны мириться с реальностью. У меня семья, у Владика уже есть папа. Что будет, если Соболев бесцеремонно вторгнется в маленький мир ребенка? Что будет, если сказать Владiku, что его папа — это не его папа?

Я не могу не думать обо всем этом. Сохранение привычного мира, привычного образа жизни сына для меня на первом месте. И если для этого, я должна сказать такие жестокие слова Диме, я скажу их.

Соболев не отвечает, лишь замечаю, как тяжело сглатывает. Затем он, не произнося ни слова, разворачивается и медленно уходит по направлению к своей машине.

Облегченно выдыхаю. Пускай он обижается, пускай он снова уходит навсегда и не появляется в моей жизни еще семь лет. Один раз я уже пережила эту боль. Переживу и второй. Главное, что Владик будет жить в своем привычном мире с одним любимым папой.

Я делаю несколько шагов, выхватываю взглядом сына, который совсем рядом, и в полной уверенности, что Соболев уже далеко, прохожу в калитку. Владик замечает меня.

— Мама! — радостно кричит и бросается ко мне.

Я опускаюсь на корточки и ловлю ребенка в объятия. Почему-то мне ужасно сильно хочется разрыдаться прямо сейчас в его детскую курточку.

— Мама, ты меня сейчас раздавишь, — смеется.

Я слегка ослабеваю хватку, но продолжаю крепко обнимать сына, наверное, еще с минуту. Затем поднимаю Владика на руки. Сын смотрит на меня и улыбается во весь рот. А у меня все-таки побежали слезы по щекам. Вчера у Владика начал шататься первый зуб. Не успела оглянуться, как совсем скоро сын уже пойдет в школу.

Неожиданно взгляд ребенка перемещается с моего лица за плечо.

— Привет, — ровно над моим ухом звучит голос Соболева, и внутри все обмирает.

— Здравсьте, — настороженно отвечает ему Владик.

Сердце грохается в пятки и там разбивается на тысячи мелких осколков. Я резко оборачиваюсь к Диме. Нет, он не уехал, как я надеялась. Он тут, стоит рядом и смотрит, не мигая, на нашего ребенка.

Мне становится дурно. То, чего я так боялась, произошло. Отец и сын встретились...

Глава 19.

Дима Соболев

Смотрю на ребенка, будто замороженный. Несмотря ни на что, так до конца и не мог поверить, что Соня родила. Две части меня метались: одна кричала о том, что Софья не лжет, а вторая — что выдумала это специально назло мне.

И вот я стою и гляжу на него. Ее сына. На мальчике темно-синяя куртка, черная шапка, джинсы и серые ботинки. Глаза — темно-карие. Волосы — не знаю, их скрывает шапка. Изучаю каждый сантиметр лица мальчика на предмет сходства с Соней. Хотя я слышал, как он побежал к ней с криком: «Мама!». Но мне все равно нужно убедиться, что это действительно ее сын. Сейчас, когда Соня держит мальчика на руках, и его лицо на уровне ее лица, это удобно.

Глаза не Сонины. А вот все остальное... Скулы, нос, подбородок... Это словно удар под дых, вышибающий весь воздух из легких, — осознавать, что у Сони действительно есть сын. Возможно, если бы я увидел мальчика без Софьи, то не подумал бы, что они похожи. Но когда они вот так рядом, сомнений нет. Очевидно, что это мать и сын.

И от того становится невыносимо больно...

— Мам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.